

ПОВѢСТИ

БАЛЬЗАКА.

Переводъ съ Французскаго.

ПОВѢСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СЛАВА и ЗЛОПОЛУЧІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

ПОВѢСТИ

БАЛЪЗАКА.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ,

ИЗДАНЫМЪ

Г. БАЛЬЗАКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Б. и Л. К.

Ч А С Т Ъ IV-я.

САИКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1833.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, предста-
влены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра.

С. Петербургъ. 27 Ноября 1832 года.

Ценсоръ Сп. Сов. *Н. Бутырскій.*

СЦЕНА IV.

СЛАВА И ЗЛОПОЛУЧІЕ.

Еще недавно, споялъ, въ улицѣ *Св. Діонисія* и почти на углу улицы *Малаго Льва*, вешій домъ, принадлежащій къ числу шѣхъ спроеній, которыя облегчаютъ романшикамъ и антикваріямъ сооруженіе древняго Парижа въ ихъ сочиненіяхъ. Грозныя спѣны сего домишка, казалось, были испещрены іероглифами; въ самомъ дѣлѣ, какое другое названіе могли давать зѣваки огромнымъ буквамъ X и V, которыя во множествѣ образовывались на фасадѣ поперечными и наклонными брусьями? Сія, испоченныя

червями, бревна, пѣмъ явственнѣе рисовались на желтомъ грунтѣ дома, положенномъ красильщикомъ, что небольшія, зубчатая прещины, казалось, показывали, будто каждый изъ сихъ брусевъ шапался въ своемъ гнѣздѣ, когда проѣзжалъ экипажъ нѣсколько тяжеловатый. Сіе достопочтенное зданіе имѣло прехъ-угольную крышу. Крыша сія, какихъ скоро не будетъ въ Парижѣ, имѣла при фута свѣса на улицу, какъ для того, чтобы защищать порогъ двери отъ дождя, такъ и для охраненія слуховаго окна, не имѣвшаго подоконка, и стѣнъ чердака, построеннаго изъ досокъ, приплоченныхъ одна къ другой, на подобіе аспидныхъ, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы слишкомъ не оплгопитъ дома.

Въ одно дождливое утро Марта мѣсяца, какой-то молодой человекъ, щцательнo закутанный своимъ пла-

щемъ , споялъ подъ навѣсомъ лавки, находящейся насупротивъ сего дома, и, казалось, разсмаприваль оный со всѣмъ энтузіазмомъ испорика. Правда, что сей останокъ великолѣпія XV-го столѣтія могъ подасть поводъ наблюдателю ко многимъ загадкамъ, которыя слѣдовало разрѣшити. Каждый эпаяжъ опмичался какою нибудь странностію. Первый имѣлъ при высокія окна, узкія и весьма близкія одно къ другому; въ нижней часпи сихъ оконъ, вмѣсто спеколь, были вставлены деревянные дощечки, дабы пропзвеспи сомнительный свѣпъ, съ помощію котораго, купецъ придаетъ своему сукну топъ самый цвѣпъ, котораго пожелаетъ покущикъ. Молодой человекъ, казалось, былъ исполненъ презрѣнія къ сей часпи дома, ибо еще ни одного раза, взоры его не остановились на оной. Его вниманіе, мало

возбуждаемое окнами вшораго эшажа, въ копорыхъ приподнятыя жалузи позволяли видѣть, сквозь Богемскія стекла, небольшія кисейныя, рыжеватыя занавѣски, было въ особенноти занято окошечками, болѣ скромными, прешьяго эшажа. Сн послѣднїя, коихъ оконницы достойны выспавки въ *Хранилицѣ издѣлій ремесленныхъ искусствъ* (Conservatoire des arts et métiers) для показанїя первыхъ попытокъ столярнаго мастерства во Франціи, были украшены маленькими стеклами, споль зелеными, что безъ особенной зоркости, молодой человекъ не могъ бы различить холстинныя, съ синими полосами, занавѣси, копорыя скрывали пайны сей горенки отъ взоровъ профана.

По временамъ, неперпѣливый наблюдатель, наскуча или симъ созерца-нїемъ, копорое доселѣ оставалось для

него бесполезнымъ, или глубокимъ молчаніемъ, въ которое былъ погруженъ сказанный домъ и все, окружающее оный, опускалъ свои взоры къ низшимъ жильямъ; и невольная улыбка рисовалась на его лицѣ, когда онъ смотрѣлъ на лавку. Огромнаго размѣра брусъ, горизонтально лежащій на четырехъ столбахъ, которые, казалось, гнулись подъ тяжестію сего обветшалаго дома, былъ покрытъ нѣскольکو разъ споль же различными красками, какъ и лице какой нибудь старой Герцогини. На серединѣ сего толстаго бревна, украшеннаго запѣйливою рѣзьбою, была прибита ветхая картина, съ изображеніемъ копа, играющаго въ мячь.

Сіе-то диковинное произведеніе срывало каждый разъ улыбку съ успѣ молодаго человѣка; и правда, должно сказать, чпю едва ли наши новѣйшіе

живописцы могли бы дать кошку такую необыкновенно — серьезную физиогномию, более комически изобразить его держащего ракету, равной съ нимъ величины, наконецъ, представить его споль забавно сидящимъ на заднихъ лапкахъ, дабы не дать промаха по мячику, который подкидывалъ ему дворянинъ въ шипомъ кафтанѣ. Очерпаніе, краски, околчності, положенія, все было соблюдено съ рѣдкимъ искусствомъ. Сія запѣйливая картина пострадала отъ времени, и это самое придавало еще болѣе гротеска изображенной сценѣ, вводя восхищающагося наблюдателя въ нѣкоторое недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, хвостъ коша, покрытый пятнышками, былъ расположенъ такимъ образомъ, что очень легко было принять оный за фигуру зрителя, что доказываетъ, сколько хвосты кошсвъ, во времена нашихъ

предковъ, были толсты, длинны и пушисты.

По правую сторону карпины, на лазоревомъ полѣ, которое несовсѣмъ скрывало гнилость деревянныхъ досокъ, прохожіе могли кое-какъ разобратъ *Гильомъ*, а по лѣвую, *преемникъ Шевреля* (successeur du sieur Chevrel). Ненастѣе, свойственное Парижу, разъяло большую часть сусальнаго золота, копорымъ скупы были покрыты буквы сей надписи, гдѣ U замѣняли V и на оборотъ, сообразно съ законамъ стариннаго Французскаго правописа-нія.

Дабы посбавить спѣси съ тѣхъ, копорые думаютъ, будто свѣтъ дѣлается день ото дня остроумнѣе, и что шарлапанство нашихъ временъ превзошло старое во всѣхъ отноше-ніяхъ, надобно замѣнить, что вывѣски, подобныя вышеописанной, конхъ

эпимологiи кажутся причудливыми многимъ Парижскимъ купцамъ, супъ мертвыя карпины съ живыхъ карпинъ, посредствомъ которыхъ нашимышленые праотцы заманивали къ себѣ покупателей. Такъ напримѣръ, *прядущая, супоросая свинья, зеленая обезьяна* и проч. были выставлены въ клѣпкахъ на показъ, и искусными своими шпучками удивляли проходящихъ, и свидѣльствовали своимъ воспитанiемъ о терпѣливости промышленниковъ XV-го столѣтiя. Счастливыи обладатель подобной диковинки обогащался скорѣе всѣхъ возможныхъ купцовъ, торгующихъ подъ скромною вывѣскою: *Праводушiя, Благодати,* и проч., которыя еще и теперь видны по улицѣ Св. Дiонисiя.

Однакоже мудро было подумать, чпобы незнакомецъ, имѣвшiй также свои спранности, рѣшился стоятъ

на часахъ, ради сего миленькаго живописнаго копейка. Изъ подъ плаща, на копиромъ запѣйливья складки показывали его желаніе подражать драпировкамъ древнихъ, выказывались спройныя ноги, шѣмъ болѣе блестящіе посреди грязи Парижской мостовой, что молодой человекъ носилъ бѣлые, шелковые чулки, на конхъ пятна свидѣтельствовали о его неперпѣливости. Подъ его шляпою нѣсколько локоновъ, развившихся отъ влажности воздуха, упали на шею и показывали что голова его была убрана *à la Caracalla*, какого рода прическа, съ недавнимъ возрожденіемъ скульптуры и по тогдашней спраси ко всему древнему, была утверждена модою. Опмѣнной бѣлизны галсукъ придавалъ еще болѣе блѣдности его озабоченному лицу. Довольно странный очеркъ чела, большой, извилистый ротъ мало остана-

вливали вниманіе , болѣе привлекаемое по мрачнымъ, по сверкающимъ огнемъ, который попеременно блисталъ въ черныхъ его глазахъ. Бѣлыя, порванные перчатки показывали , что незнакомецъ вѣроятно возвращался со свашьбы , ибо тогда было уже половина седьмого часа утра. Кромѣ нѣкоторыхъ запоздалыхъ огородниковъ, которые, погоняя своихъ лошадей, пробуждали отголоски , сія улица , обыкновенно столь шумная, была въ это время погружена въ такое безмолвіе, что трудно представить себѣ оное тому , кто не бродилъ по пустынному Парижу въ тѣ часы, когда адской его шумъ, усмиренный на одну минуту, возникаетъ опять и распространяется далеко, подобно могущественному гласу Океана.

Сей страннѣйшій молодой человѣкъ являлъ собою каршину, которая безъ

омнѣнія была любопытнѣе, нежели картина *Кота-Проказника*: на устахъ его блуждала горькая усмѣшка; его чело, нахмуренное спльнымъ душевнымъ распройспвомъ, носило на себѣ оппечапокъ какого-то опчаянiя; ибо въ образованiи черепа человѣческаго обрѣтаемъ что-то пророческое. Когда смуглая кожа на возвышенномъ и широкомъ его челѣ сглаживалась, то оно дышало генiемъ и прiятностию, и совокупно съ выраженiемъ глазъ, противорѣчило предвѣщанiямъ его лица, которое даже могло бы показаться весьма непривлекательнымъ, еслибы не было безпрестанно облагороживаемо физиогномiею оспроумною; но когда чело незнакомца, подернутое морщинами, уподобляющимися своею движимостию игрѣ волнъ, выражало слишкомъ сильную спраспъ, тогда лице его возбуждало какой-то спрахъ: радость,

печаль, любовь, гнѣвъ, презрѣніе съ такою быспропою попеременно выражались на ономъ, и имѣли такую сообщительную силу, что невольно надлежало раздѣлитъ тѣ чувствованія, которыя молодому человѣку угодно было выражать.

Онъ былъ въ такой досадѣ въ шумную, въ которую внезапно отворили слуховое окно чердака, что не замѣпилъ въ ономъ прехъ веселыхъ лицъ, круглыхъ, чистыхъ, румяныхъ, какъ изображенія, изсѣкаемыя на дюжнн-ныхъ монументахъ. Сія при головы, выглядывавшія изъ слуховаго окна какъ изъ за рамы, походили на головы полненькихъ херувимчиковъ. Молодые сидѣльцы вдыхали въ себя свѣжій упренній воздухъ съ такою жадностью, которая ясно свидѣтельствовала о тяжелой и зловонной атмосфере ихъ чердака. Тотъ изъ конпор-

щиковъ, который по наружности казалось былъ запыльливѣе прочихъ, указалъ своимъ поварщикамъ спранныго наблюдателя — часоваго, потомъ онъ исчезъ, и чрезъ минуту возвратился держа въ рукѣ орудіе, коего твердый металлъ недавно принужденъ былъ уступить мѣсто гибкой и гладкой кожѣ. На лицахъ трехъ спидельцовъ выразилась лукавая улыбка, когда они посмотрѣли на незнакомца, который, въ одно мгновеніе ока, былъ окропленъ мелкимъ и бѣловатымъ дождикомъ, запахъ коего доказывалъ, что при подбородка весельчаковъ только-что были выбрипы.

Копорщики, скрывшись въ углу чердака, спали на цыпочки, дабы насладиться гнѣвомъ незнакомца, надъ которымъ подшучили; но мгновенно перестали смѣяться, когда замѣтили пренебреженіе съ которымъ молодой

человѣкъ отряхнулъ свой плащъ, и презрѣніе, изобразившееся на его лицѣ, когда онъ посмотрѣлъ на опустѣвшее окно верхняго жилья.

Въ сію самую минуту, бѣлая и нѣжная рука подняла въ шрепьемъ эшпажѣ нижнюю половину грубо сдѣланной рамы, которая двигалась въ пазахъ посредствомъ запѣйливой шестерни, нерѣдко уступающей грузу довѣряемыхъ ей увѣсиспыхъ оконницъ. Молодой арписшъ былъ теперь вознагражденъ за долгое ожиданіе. Прелестное личико молодой дѣвушки, столь же свѣжее какъ чашечка цвѣпка, распускающагося на поверхности воды, показалось въ ночномъ смятомъ ченчикѣ изъ кисей, придававшемъ ея челу и всей головкѣ выраженіе ангельской невинности; ея бѣлая шейка, дѣвственныя груди, не вполне скрытыя темнаго цвѣта платочкомъ, были вид-

ны, благодаря движеніямъ сна, которыя привели въ легкій безпорядокъ ея покровы. Ни малѣйшее выраженіе принужденности не оптѣняло простодушной прелести сего лица и сихъ глазъ, заранѣе увѣковѣченныхъ въ изящныхъ произведеніяхъ Рафаэля: та же грація, то же дѣвственное спокойствіе, которыми дышутъ мадоны на картинахъ безсмертнаго аршиста.

Юныя ланиты сего личика, на которомъ сонъ какъ-бы оставилъ избытокъ жизни, составляли прелестную прошивуположность съ вѣтхоснію пляжелаго, грубой работы окна, у котораго подоконокъ почернѣлъ отъ времени. Молодая дѣвушка, еще полу-сонная, подобно тѣмъ дневнымъ цвѣткамъ, которые рано поутру не успѣли еще распустишь всѣ свои лепестки, свернувшіеся отъ ночной прохлады, окинула голубыми глазами крыши со-

сѣднихъ домовъ , посмогрѣла на небо, и, какъ бы по привычкѣ , опустила ихъ на тѣмную улицу, гдѣ ея взоры вспрѣпились въ то же мгновеніе со взорами незнакомца. Она покраснѣла какъ маковый цвѣтъ, вѣроятно спыдаясь что показалась въ упренней одеждѣ, и съ живосцію опошла назадъ; испорченная щекотка щелкнула, и рама опустилась съ быспропою, копорая, въ наши времена, подала мысль, дасть ненависпное названіе сему несчастному изобрѣпенію нашихъ предковъ. Видѣніе изчезло. Казалось, что самая блестящая упренняя звѣзда сокрылась за черною тучею.

Между тѣмъ , тяжелые внутренніе спавни, охранявшіе легкій переплетъ оконныхъ спеколь въ лавкѣ *Кота-Проказника*, изчезли какъ бы дѣйствіемъ волшебной силы. Вешная дверь съ *молоткомъ* повернулась на своихъ

пепляхъ, плоино прилегла къ наружной стѣнѣ дома; и спарый слуга, едва ли не современникъ вивѣски, началъ, дрожащею рукою, прибавать къ сей двери чепырехъ-угольный кусокъ сукна, на которомъ была вышита желтымъ шелкомъ зашѣйливая вивѣска и классическое имя Гильома, преемника Шевреля.

Многимъ изъ проходящихъ трудно было бы отгадать чѣмъ собственно торговалъ Г. Гильомъ; и въ самомъ дѣлѣ, изъ-за толстыхъ желѣзныхъ перекладинъ, которыя снаружи охраняли его лавку, видны были только связки, Богъ вѣсть чего, обернутыя въ холстъ темнаго цвѣта, и которыя числомъ не уступали спаницамъ сельдей, переплывающимъ Океанъ. Однакоже, несмотря на простоту (хотя сіе выраженіе здѣсь и слишкомъ умеренно), сего готическаго фасада, Г.

Гильомъ, изъ всѣхъ торгующихъ въ Парижѣ сукнами, имѣлъ одинъ изъ богатѣйшихъ магазиновъ; его сношенія были весьма обширны, и онъ, болѣе другихъ, былъ извѣстенъ своею честностію въ торговыхъ сдѣлкахъ. Всякій разъ, какъ его поварищи—поспавщики заключали съ Правительствомъ торги, исполненіе коихъ не терпѣло оплагательства, онъ готовъ былъ, въ продолженіи одной недѣли, послать сукно, потребное на обмундированіе цѣлой арміи, какъ бы велико ни было обѣщанное ими число аршинъ. Сей хитрый купецъ, тысячью средствами, умѣлъ удержанъ за собою самый полновѣсный барышъ, не находя даже надобности бѣгать, подобно другимъ, по покровительству съ униженными поклонами или богатыми подарками. Если сіи поспавщики Имперіи не могли заплашнть ему иначе,

какъ векселями, хопя и вѣрными, но съ нѣскольکو поздними сроками; по онъ совѣтоваль имъ обратиться къ его нотаріусу, какъ чловѣку, съ которымъ легко поладить; и, благодаря таковой продѣлкѣ, умѣль снять съ барана впорую шкуру, что подало поводъ негоціантамъ улицы Св. Діонисія употребить между собою поговорку: — „Избави васъ Богъ отъ нотаріуса Г. Гильома!“ когда рѣчь шла о весьма невыгодной сдѣлкѣ.

Старый пославщикъ, вдругъ, какъ бы чудомъ, явился на порогъ своей лавки, въ ту минуту, когда удался слуга. Г. Гильомъ обзрѣлъ со всѣхъ сторонъ улицу Св. Діонисія, сосѣднія лавки, взглянулъ на погоду, какъ чловѣкъ вышедшій на берегъ въ Гавръ, и вновь увидѣвшій Францію послѣ путешествія. Увѣрившись совершенно, что не произошло никакой перемѣны во вре-

мя его сна, онъ вслѣдъ за симъ замѣтилъ молодаго арписпа, который, съ своей стороны, смотрѣлъ на папріарха суконной промышленности съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ вѣроятно Г. Гумбольдъ разсматривалъ перваго Кангуру, встрѣченнаго имъ въ Америкѣ.

На Г. Гильомѣ были широкіе штаны изъ чернаго бархата, узорчатые чулки, тупоносые башмаки, красовавшіеся серебряными пряжками. Его плащъ, четырехугольнаго покроя съ четырехугольными полами, четырехугольнымъ воротничкомъ, обхватывало его нѣсколько суживающій станъ, и было изъ зеленоватаго сукна, на которомъ видны были большія, изъ бѣлаго металла, пуговицы, покраснѣвшія отъ долгаго употребленія. Сѣдые, лоснящіеся волосы, были такъ тщательно причесаны на желтомъ его черепѣ, что оный довольно походилъ на

вспаханное поле. Малые зеленые глаза, словно просверленные буравчикомъ, блискали огнемъ изъ подъ двухъ красноватыхъ духъ, служившихъ замѣною ресницамъ. Долговременныя душевныя безпокойства провели на его челѣ горизонтальныя морщины, столь же многочисленныя, какъ складки у дамской шемизетки. Сіе блеклое лице свидѣтельствовало о его перпѣніи, о коммерческой мудрости, и о томъ хитромъ корыстолюбіи, котораго преобладаютъ дѣла.

Въ то время, чаще нежели теперь, встрѣчались старинныя фамиліи въ коихъ, какъ драгоценныя преданія, сохранялись нравы, характеристическая одежда ихъ рода промышленности; сіи фамиліи, среди новѣйшаго просвѣщенія, остались неприкосновенными, подобно допотопнымъ оспанкамъ, описаннымъ Г-мъ Кювье.

Г. Гильомъ, старшій въ своемъ семействѣ, былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ хранителей старыхъ обычаевъ. Не разъ случалось, что онъ грозилъ кому нибудь изъ своей братіи *Синдикомъ*, или соболѣзновалъ объ опмѣнѣ *Купеческихъ Старшинъ*; и никогда онъ не говорилъ о *приговорѣ Купеческой Думы*, не назвавъ онаго *Консульскою Сентенціею*. Вѣроятно, въ слѣдствіе сихъ то старинныхъ обычаевъ, онъ вспавалъ ранѣ другихъ въ своемъ домѣ, и поджидалъ появленія прехъ конпорціковъ, дабы пожурить ихъ когда они опаздывали.

Сии молодые ученики Меркурія, не знали ничего ужаснѣе той безмолвной дѣятельности, неподвижности взоровъ, съ которою хозяинъ ихъ наблюдалъ за лицами и движеніями каждый понедѣльникъ утромъ, или когда подозрѣвалъ, что они надѣлали какихъ

нибудь проказъ. Но въ сію минуту старый суконщикъ такъ былъ углубленъ въ изслѣдованіе причины той заблудливой внимательности, съ которою молодой человекъ въ плащъ и шелковыхъ чулкахъ обращалъ попеременно свои взоры, то на вывѣску, то на него самого, или на внутренность его магазина, что совершенно не занимался ими. Блестящіе лучи восходящаго солнца способствовали рассмотреть обнесенное рѣшеткою бюро, украшенное занавѣсками изъ старой шелковой матеріи зеленого цвѣта и въ которомъ хранились огромныя книги, нѣмые оракулы сего торговаго дома. Любопытный незнакомецъ казался пожиралъ глазами сіе небольшое жилище, и снималъ планъ съ боковой стеновой, освѣщенной сверху, изъ которой собравшееся семейство въ обѣденное время, легко могло видѣть ма-

лѣйшія обспоянелспва, могуція слу-
чипсья за порогомъ лавки. Споль силь-
ная привязанность къ его жилищу
показалась весьма подозрительною не-
гоціанту, бывшему свидѣтелемъ всѣхъ
ужасовъ революціи въ 1793 году; и Г.
Гильомъ весьма еспесивенно заклю-
чилъ, что сей зловѣщій незнакомецъ
подбирался къ кассѣ *Кота-Проказ-
ника*.

Спаршіѣ лѣпами конторщикъ,
пизъ-подъ пшшка спомпрѣвшій на взаим-
ную переспрѣлку взорсвѣ хозяина и
незнакомца, осмѣлился наконецъ спавъ
на одной плипѣ съ Г. Гильомомъ; по-
помъ замѣпивъ, что молодой человекъ
украдкою посмапривалъ на окна преспь-
яго эпажа, онъ сдѣлалъ шага два на
улицу, поднялъ голову, и ему показа-
лось что дѣвица Августина Гильомъ
споропливо удалилась отъ окна.

Торговецъ сукнами, недовольный

проницательностию своего первого конторщика, косо посмотрѣлъ на него; но вдругъ обоюдныя опасенія, возбужденныя присутствіемъ сего прохожаго, въ душахъ купца и влюбленнаго помощника уменьшились. Они увидѣли, что незнакомецъ сдѣлалъ знакъ извозничьей каретѣ, отправлявшейся ранѣе обыкновеннаго на ближайшую площадь, и поспѣшно вскочилъ на подножку экипажа, показывая припворный видъ совершеннаго равнодушія. Сей опѣздъ поселилъ нѣкоторое утѣшеніе и въ сердцахъ другихъ двухъ конторщиковъ, съ безпокойствомъ узнавшихъ въ незнакомцѣ жертву ихъ окропленія.

— Ну, господа, что же вы спонте сложивъ руки? сказала Г. Гильомъ своимъ претъ снѣльцамъ — новичкамъ; встарину, чортъ побери! когда я былъ у хозяина Шевреля, я объ эту пору

успѣлъ бы осмопрѣшь куска два сукна.

— Видно тогда ранѣе разсвѣтало? сказалъ второй коншорщикъ, къ которому сіе замѣчаніе прямо относилось. Старый негоціантъ не могъ удержаться отъ улыбки.

Хотя двумъ изъ сихъ прехъ молодыхъ людей, порученныхъ попеченіямъ Г. Гильома ихъ родителемъ, богатыми мануфактуриссами въ Лувъ и Седанъ, стоило, достигнувъ возраста, въ которомъ они въ состояніи будутъ открыть собственную торговлю, только заикнуться, чтобы имѣть сто тысячъ эфимковъ; но не смотря на сіе, старый негоціантъ считалъ своею обязанностію держати ихъ подъ ферулою древняго деспотизма, въ наше время забытаго въ блестящихъ, новѣйшихъ магазинахъ: онъ заставлялъ ихъ работать, какъ нег-

ровъ , и ихъ проихъ достапочно было , чтобы совершивъ дѣло , надъ которымъ бы вѣрно попопѣли десять нынѣшнихъ служащихъ изнѣженность коихъ напыщаетъ колонны бюджета .

Ни малѣйшій шумъ не нарушалъ спокойствія сего торжественнаго дома , въ коемъ пепли и замки дверей , казалось , вѣчно были смазаны масломъ , и самая незначительная вещь носила на себѣ оппечатокъ почтенной опрятности , свидѣтельствующей о строгомъ порядкѣ и бережливости . Часпо конторщикъ , попроказливѣе другихъ , опмѣчалъ на Гріерскомъ сырѣ , который имъ предоспавляли на завтракъ и который они очень уважали , число перваго появленія онаго . Сія и нѣкоторыя ей подобныя шалости , иногда срывали улыбку съ успѣ младшей изъ двухъ дочерей Г. Гильома , той самой

миловидной дѣвы, которая явилась восхищенному незнакомцу. Хотя, даже самый младшій изъ учениковъ плащилъ за содержаніе довольно значительную сумму; но несмотря на то ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился бы оспаривать за споломъ своего папроца, когда подавали десертъ. Когда Г-жа Гильомъ упоминала о приправѣ сала, то сіи несчастные молодые люди пререпали, помышляя съ какою чрезвычайною бережливостію ея неумолимая рука наливала на оный масло. Они не смѣли и подумать о томъ, чтобы провести ночь внѣ дома, если задолго до исполненія, не представлятъ сему чрезвычайному случаю какой нибудь уважительной причины. Наконецъ, каждое воскресенье, поочередно, двое изъ конпорщиковъ проводили семейство Г. Гильома къ обѣднѣ и къ вечернѣ въ церковь Св. Лѣ. Дѣ-

вица Виргинія и Августина, скромно одѣшья въ сипцевыя плашья, подавали каждая руку одному изъ конпорщиковъ, и шли впереди подъ надзоромъ зоркихъ глазъ маперы, которая заключала сей семейственый кортежъ съ своимъ мужемъ, пріученнымъ ею носить два полстыхъ молишвенника, переплетенныхъ въ черный сафьянъ.

Второй конпорщикъ не получалъ жалованья. Тотъ же изъ нихъ, котораго уже семь лѣтъ шерпѣнія и скромности посвятили въ домашній пансіона, получалъ восемь сотъ франковъ въ вознагражденіе за понесенные имъ труды. Но за то, въ нѣкоторыя семейныя праздники, онъ былъ поощряемъ небольшими подарками, которыми единственно сухая и морщинистая рука Г-жи Гильомъ придавала цѣну: они обыкновенно или состояли изъ филейнаго кошелька, который она

пщательно наполняла хлопчатною бумагою, чпобы выказать узоры à jour, или изъ подпяжекъ, довольно дюжихъ или пары шелковыхъ чулковъ, также не изъ лучшихъ. Иногда, впрочемъ очень рѣдко, сего перваго министра приглашали раздѣлять увеселенія семейства, когда оно отпраплялось за городъ, или когда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, оно рѣшалось воспользоваться своимъ правомъ, нанявъ ложу, также посмотрѣть пѣсу, на которую уже насмотрѣлся весь Парижъ. Что касается до двухъ другихъ конторщиковъ, то преграда, поставленная уваженіемъ и раздѣлявшая нѣкогда хозяина — суконщика и его учениковъ, была столь сильно утверждена между ними и старымъ негодіаншомъ, что имъ легче было бы украсить кусокъ сукна, чѣмъ преспушить сей священный обычай.

Сія чинность можешъ нынѣ показаться спранною; но за то, старыя купеческіе дома были школами нравственности и честности; часпо хозяева усыновляли своихъ учениковъ; за бѣльемъ молодаго человека заботливо смотрѣли, починали его, а иногда хозяйка дома даже возобновляла оное; если конторщикъ заболѣвалъ, то дѣлался предметомъ истинно-материнскихъ попеченій; и папронъ, въ случаѣ опасности, не щадилъ денегъ на извѣстнѣйшихъ докторовъ; однимъ словомъ, онъ отвѣчалъ родителемъ за нравственность и познанія ввѣренныхъ ему молодыхъ людей. Если одинъ изъ нихъ впадалъ въ какое либо несчастіе, то знающіе его умѣли цѣнить въ немъ ту твердость и разумъ, съ каковыми онъ прошивустоялъ судьбѣ; и сіи старыя негоціанты безбоязненно довѣряли счастье своихъ дочерей

пѣмъ, которыми они, въ продолженіи сполькихъ лѣтъ, довѣряли все свое имущество.

Г. Гильомъ былъ изъ числа сихъ купцовъ стараго времени: если онъ имѣлъ ихъ спранныспи, за то имѣлъ ихъ сердце и достоинства. Посему-то Г. Иосифъ Леба, его первый конпорщикъ, сиропа, и не имѣвшій никакого состоянія, былъ уже, по крайней мѣрѣ въ мысляхъ, предназначенъ имъ въ супруги Виргинія, его старшей дочери. Но Г. Иосифъ не раздѣлялъ разрядныхъ мыслей своего патрона, который, ни за какія блага въ мірѣ, не согласился бы выдать замужъ младшую дочь прежде старшей; а сердце несчастнаго конпорщика совершенно было покорено дѣвицею Августиною, младшею дочерью.

Чтобы оправдать сію спрасть, тайно усилившуюся, необходимо по-

дробнѣе выикнуть въ вѣдомство безусловнаго правленія, подъ которымъ находился домъ стараго суконщика.

Г- Гильомъ имѣлъ двухъ дочерей. Старшая, дѣвица Виргинія, была живою порпретъ маперн. Къ помужь, Г-жа Гильомъ, дочь господина Шевреля, такъ прямо сидѣла обыкновенно на скамьѣ у своей конпорки, что не разъ слыхала, какъ насмѣшники блись объ закладъ, что она шупъ посажена на коль. Худощавое, продолговатое лице свидѣтельствовало о ея непомяр-ной набожности. Г-жа Гильомъ не имѣла въ себѣ ничего пріятнаго, и самое ея обхожденіе было вовсе не прі-влекательно. Она украшала, почти шестидесятилѣтнюю свою голову, чепцомъ, котораго видъ оставался неизмѣннымъ, и который имѣлъ ушки, на подобіе чепцовъ, употребляемыхъ вдовами. Всѣ сосѣди называли ее сес-

прою — приврапницею. Она говорила кратко, и самыя граціозныя ея шфлю-движенія довольно походили на опры-виспыя движенія телеграфа. Ея глаза, свѣпшыя какъ у коша, казалось, смопрѣли на всѣхъ съ недоброжелатель-спвомъ опъ него, что она бѣла без-образна. Дѣвица Виргинія, воспитан-ная вмѣспѣ съ сестрою подѣ деспо-пическимъ правленіемъ маперн, имѣла двадцать восемь лѣпъ опъ роду. Мо-лодоспѣ ослабляла въ ней непріятныя черпы, которыми она сходспвовала съ своею маперью; но спрогоспѣ сей послѣдней образовала въ ней два вели-кихъ качеспва, которыми безъ сомнѣ-нія имѣли перевѣсъ надъ всѣми ея не-доспапками, а именно: она была пи-хонравна и перпѣлива.

Дѣвица Августина, которой едва псполнилось восемнадцать лѣпѣ, не по-ходила ни на опца, ни на мапѣ; она

принадлежала къ числу тѣхъ дѣтей, которыя, заставляющъ вѣрить поговоркѣ смиренницъ: Богъ посылаетъ дѣтей. Августина была небольшого роста, или, чтобъ дать вѣрнѣйшее понятіе объ ней, въ полномъ смыслѣ *милогка*. Ни одинъ свѣтской человѣкъ не могъ бы упрекнуть сіе прелестное созданіе, исполненное граціи и скромности, ни въ чемъ, развѣ только въ пѣлсдвиженіяхъ нѣсколько мелочныхъ и простыхъ, и иногда въ принужденности. Ея неподвижное и спокойное лице дышало легкою задумчивостію, которая обыкновенно овладѣваетъ всѣми молодыми дѣвушками, слишкомъ робкими въ присутствіи матери.

Сіи двѣ сестры, всегда одѣтыя скромно, могли удовлетворять врожденному въ женщинахъ кокетству, только чрезвычайною опрятностію, которая была имъ очень къ лицу, и

согласовалась съ навощенными конпорками, съ полками, на коихъ старый слуга не терпѣлъ ни одной пылинки, и съ древнею простотою всего ихъ окружающаго. Августина и Виргинія, принужденныя по своему роду жизни, искать спихіи счастья въ постоянныхъ трудахъ, до сихъ поръ въ полной мѣрѣ соотвѣтствовали желаніямъ матери, которая въ тайнѣ восхищалась превосходнымъ характеромъ своихъ двухъ дочерей.

Легко вообразить слѣдствія ихъ домашняго образованія. Воспитанныя для торговли, привыкшія слышать только жалкіе мелочные коммерческіе расчеты и сужденія, выучивъ одну грамматку, счетоводство, не много изъ Іудейской исторіи, Французскую же зная по одному Рагоа, и не читавъ никакихъ сочиненій, кромѣ тѣхъ, кои съ разрѣшенія матери, имѣли свобод-

ный къ нимъ доступъ, онѣ не могли развити свои понятія. Онѣ въ совершенствѣ умѣли вести хозяйство, знали цѣну вещей, и, видя на опытъ, сколь трудно добывать деньги, онѣ были бережливы, и имѣли нѣкотораго рода уваженіе къ качествамъ негоціантовъ. Несмотря на значительный достатокъ ихъ отца, онѣ при случаѣ умѣли такъ же хорошо зашнопать старое, какъ и смастерить новый нарядъ. Не вѣдая удовольствій свѣта, и имѣя всегда передъ глазами примѣрную жизнь своихъ родителей, онѣ очень, очень рѣдко обращали взоры за предѣлы опческаго, ветхаго дома, который для ихъ матери былъ все-ленною. Собранія, бывшія въ домѣ Г-на Гильома по случаю какого нибудь домашняго праздника, составляли для его дочерей всю будущность земныхъ ихъ радостей. Когда въ боль

шой гостинной, находившейся во впо-
ромъ эпажъ, онѣ ожидали своего дя-
дю, богатаго нопариуса, его жену, ко-
торая имѣла брилліанты; двоюродна-
го брата, начальника отдѣленія въ
Военномъ Минисперствѣ; негоціан-
товъ, изъ самыхъ извѣстныхъ между
живущими въ улицѣ Бурдонэ; двухъ-
трехъ старыхъ банкировъ и нѣсколь-
кихъ молодыхъ женщинъ испытанной
нравственности; тогда хлопотли-
выя приготовленія, которыя дѣлались
необходимыми по причинѣ тщаель-
наго спаранія съ коимъ серебро, Сак-
сонскій фарфоръ, хрусталь, восковыя
свѣчи были уложены, разнообразили
на нѣкоторое время почти заповорни-
ческую жизнь сихъ трехъ женщинъ.
Въ ожиданіи гостей, онѣ суешились
подобно монахинямъ, предъ посѣщені-
емъ Епископа; когда же вечеромъ обѣ
сестры, упомянутыя чещеніемъ, на-

пираниемъ, переборкою и распановкою вещей, долженствовали служить украшеніемъ празднества, помогали раздѣваться своей уставшей матери, то Г-жа Гильомъ обыкновенно говаривала: — Мы сегодня ровно ничего не сдѣлали, милыя дѣти!

Если Г-жа Гильомъ позволяла танцовать въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ, изгоняя боспонные, виспные и прикптракные силы въ свою спальню; то подобное блаженство уступало только наслажденію посѣщеніемъ большіе балы, на которые Г-нъ Гильомъ водилъ своихъ дочерей раза два или три во время карнавала.

Наконецъ, почтенный суконщикъ задавалъ одинъ разъ въ годъ пиръ, не жалѣя никакихъ издержекъ. Какъ бы богаты и взыскапельны ни были гости, приглашаемые на оный, но никогда не уклонялись отъ посѣщенія; ибо,

самые значительные дома той части города, въ которой жилъ Г-нъ Гильомъ, нуждались иногда, или въ его обширномъ кредитѣ, или въ его богатствахъ, или прибѣгали къ его зрѣлой опытности.

Но дочери сего достопочтеннаго негодяина не умѣли въ той мѣрѣ, въ какой можно было предполагать воспользоваться тѣми свѣденіями, которыя молодыя дѣвицы могутъ пріобрѣсти въ обществѣ. Онѣ являлись въ сихъ собраніяхъ, кои, казалось, были внесены въ *памятную книгу о долгахъ*, въ такихъ нарядахъ, что скудость и простота оныхъ заставляла ихъ краснѣть; танцовали очень посредственно, и, находясь подъ неослабнымъ надзоромъ мажери, не смѣли поддерживать съ своими кавалерами разговоръ иначе, какъ одними *да и нѣтъ*. Къ тому жъ, законы старой вивѣски

Коша-Проказника пребовали, чптобы онѣ были уже въ своихъ комнапахъ въ одинадцать часовъ, а въ сіе по время балы или праздники только что начинающъ оживляться.

И пакъ, увеселенія, по видному довольно сообразныя съ состояніемъ ихъ опщя, часпо дѣлались, пакъ сказашъ, припорными, по обстоятельствомъ, происходящимъ опъ привычекъ и правилъ сего семейства; что же касается до ихъ домашняго быта, то одного замѣчанія достаточно, дабы вполне описать оный: госпожа Гильомъ пребовала, чптобы обѣ ея дочери были одѣты и приходили внизъ, каждый Божій день, въ одно время, и занятія ихъ были подвержены строгой монастырской правильности.

Однакожь Августина получила опъ природы душу довольно возвышенную для того, чптобы чувствовать

пустоту подобной жизни. Иногда голубые ея глаза подымались какъ бы дѣлая нѣмой запросъ длинной, темной лѣспнищѣ, или сырому магазину; потомъ, поспигнувъ сіе монастырское безмолвіе, она, казалось, прпслушивалась къ опдаленнымъ откровеніямъ той спраспной жизни, которая спавшии чувствованія несравненно выше внѣшнихъ предметовъ. Тогда краска проявлялась на ея лицѣ; изъ бездѣйственныхъ ея рукъ падала кисея на дубовую полпрованную доску конпорки, и непосредспвенно за симъ ея маиъ говорила ей голосомъ, которыи, и при самыхъ ласковыхъ словахъ, сохранялъ обычную пскливоспъ: — Августина, о чемъ ты думаешь, душенька?

Быть можетъ *Графъ Ипполитъ Дугласъ* и *Графъ Колинъ*, два романа, найденные Августиною въ шкапу

кухарки, которую незадолго предъ-
шѣмъ Г-жа Гильомъ отпустила, спо-
собствовали къ развитію воображенія
молодой дѣвушки. Въ одну изъ про-
должительныхъ ночей прошедшей зи-
мы, она, украдкою, и съ жадностію
прочитала сіи два романа. Неопредѣ-
ленное выраженіе желаній, сладостный
голосъ, ясминная кожа и голубые гла-
за Августины возжгли, въ сердцѣ бѣ-
днаго сироты стольже сильную, сколь и
почтительную къ ней любовь.

По своеправной прихоти, причи-
ну которой легко вообразить, Авгу-
стина не чувствовала никакого вле-
ченія къ Г. Иосифу Леба: можетъ
быть потому, что она не замѣтила
его любви; но въ замѣтъ того, долгія
ноги главнаго компаньона, темно-ру-
сые его волосы, широкія руки и ап-
летиическое сложеніе пріобрѣли ему
тайную обожательницу въ дѣвицѣ

Виргиніи, руки которой еще никто не искалъ, несмотря на ея приданое, сославлявшее до пятидесяти тысяч эфимковъ.

Ничто не можетъ быть естественнѣе сихъ противоположныхъ двухъ спраспей, родившихся посреди безмолвія сего сумрачнаго жилища, подобно фіалкамъ въ чащѣ лѣса. Нѣмое, постоянное созерцаніе, занимавшее взоры сихъ молодыхъ людей, нуждающихся въ развлеченіи посреди непрестанныхъ трудовъ и ничѣмъ не возмущаемой пишины, должно было, рано или поздно, возбудишь въ нихъ чувствованія любви. Привычка видѣшь всегда одно лице, заславляетъ насъ открывать въ немъ душевныя качества, и забываетъ нечувствителью недоспажки его.

— Ну, признайся, если эпошь человекъ не перестанетъ куралесить,

такъ нашимъ дочерямъ, того и смо-
при, что придется сползть на ко-
лѣняхъ передъ первымъ встрѣчнымъ
мужиною, сказала Г-нъ Гильомъ, чи-
стая однажды упрямъ первый указъ
Наполеона, въ силу котораго прежде-
временно должны были поступишь на
службу ~~молодые~~ молодые люди, внесенные въ
конскрипцію. Старый негоціантъ, ви-
дя съ огорченіемъ, что его старшая
дочь опцвѣщается, и вспомнивъ, что
онъ самъ женился на дѣвицѣ Шеврель
въ обспоятельстввахъ, подобныхъ тѣмъ,
въ коихъ находился Іосифъ Леба и
Виргинія, расчелъ, что выдавъ дочь
замужъ за своего компаньонка, онъ
вмѣстѣ съ тѣмъ заплашишь священ-
ный долгъ, и сдѣлаешь сиротѣ такое
же благодѣяніе, какимъ и самъ нѣкогда
былъ одолженъ своему папрону.

Г-нъ Іосифъ имѣлъ прицать при
года оиъ роду. Онъ счелъ, что Авгу-

спина цѣлыми пятнадцатью годами моложе его, и будучи очень смѣшливъ, не могъ не догадаться о намѣреніяхъ Г-на Гильома, котораго непреклонность онъ очень хорошо зналъ, посему и убѣдился, что никогда меньшая дочь не будетъ выдана замужъ прежде старшей. И такъ бѣдный конторщикъ, имѣвшій столь же доброе сердце, сколько ноги его были длинны, а шуловище толсто, спрадалъ въ безмолвіи.

Таково было положеніе вещей въ сей малой республикѣ, которая, въ улицѣ Св. Діонисія довольно походила на какое нибудь Аббатство Трапистовъ. Но дабы имѣть точное понятіе какъ о внѣшнихъ приключеніяхъ, такъ и о чувствованіяхъ дѣйствующихъ лицъ, надлежитъ дать отчетъ объ обстоятельстве, бывшихъ за нѣсколько еще мѣсяцевъ до той сце-

ны, которою начинается сія повѣсть.

Случилось, что однажды въ сумерки, какой-то молодой человѣкъ, проходя мимо тѣмной лавки Копа-Проказника, остановился передъ нею, и созерцалъ нѣкоторое время такую сцену, которая безъ сомнѣнія, привлекла бы вниманіе всякаго живописца. Магази́нь, еще не освѣщенный, составлялъ совершенно тѣмную раму, за которою была видна столовая негодіанша. На кругломъ столѣ была поставлена лампа, отражающая внизъ топъ пріятный свѣтъ, который придаетъ карпинамъ Голландской школы что-то особенно плѣняющее насъ. Столовое бѣлье необыкновенной бѣлизны, серебро, хрусталь, всѣ сіи блестящія принадлежности еще болѣе прельщали зрѣніе разительными противоположностями, происходящими

опть сочетанія свѣта съ тѣнью. Лице отца семейства и его жены, лица конторщиковъ, небесное чело молодой Августины, сполывшая въ двухъ шагахъ опть нея дюжая, полсощекая служанка: всё это составляло споль любопытную группу, сіи головы были до такой степени оригинальны, каждый характеръ выражался съ такимъ просподушіемъ и сплюю; наконецъ такъ легко было угадать безмолвную и скромную жизнь сего семейства, что для артиста, привыкшаго изображать природу, и достигать ее, сія случайная сцена имѣла въ себѣ нѣчто приводящее его въ отчаяніе, почти непреодолимою трудностію передать оную на холстѣ.

Прохожій былъ молодой живописецъ, получившій, за семь лѣтъ предъ тѣмъ, первую премію опть Академіи Художествъ. Онъ возвращался изъ Ри-

ма. Душа его, проникнутая поэзією, зрѣніе, пресыщенное произведеніями Рафаэля и Микель-Анжа, жаждали природы и испины, послѣ споль долговременнаго пребыванія въ роскошной спранѣ, гдѣ все велико; по крайней мѣрѣ такою было его личное чувствованіе. Преданное пылу Италіанскихъ спраспей, сердце его искало одной изъ тѣхъ скромныхъ, задумчивыхъ дѣвъ, копорыхъ, къ несчастію, онъ видѣлъ въ Римѣ только въ живописныхъ произведеніяхъ.

Опъ воспорга, родившагося въ его пламенной душѣ, при воззрѣніи на сію живую каршину, онъ перешель къ чувству восхищенія, замѣпивъ главную фигуру. Августина опказывалась опъ пищп; она казалась задумчивою; и, по случайному положенію лампы, опражавшей всѣ свои лучи на ея лицѣ, она, по видимо-

му, имѣла движеніе посреди огненнаго круга, который ярче обозначалъ очеркъ ея головы, и освѣщалъ ее почти сверхъестественнымъ блескомъ. Арписпъ видѣлъ въ ней опчужденнаго ангела. Почти невѣдомое ему чувствованіе, свѣжая, усладительная любовь, разлилась въ его сердце. Пребывъ одно мгновеніе какъ бы подавленъ бременемъ своихъ мыслей, онъ отпоргъ себя отъ блаженства, возвратился домой, не ужиналъ, не спалъ; и на другой день, расположившись въ своей мастерской, вышелъ изъ оной не прежде, какъ передавъ холсту все очарованіе сей сцены, воспоминаніе о которой довело его до какого-то изступленія.

Но его блаженство было не совершенно, пока онъ не имѣлъ вѣрнаго портрета своего кумира. Онъ, нѣсколько разъ проходилъ передъ магази-

номъ Кота-Проказника; даже дерзнулъ
раза два войши въ оный переодѣшымъ,
для того, чѣобы вблизи увидѣшь
то восхищительное созданіе, которое
Г-жа Гильомъ хранила подѣ крыломъ
своимъ; цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, во-
одушевляемый своею любовію и не вы-
пускаая изъ рукъ кисти, онъ былъ не-
доступенъ для искреннѣйшихъ своихъ
друзей, забылъ свѣтъ, поэзію, театръ,
музыку, словомъ все, что досель улаж-
дало его досуги.

Однимъ упромъ Жиродетъ про-
брался къ нему, несмотря на запре-
щеніе и уловки, очень извѣстныя ар-
писпамъ, которыя они умѣютъ оп-
клонять. Подойдя къ молодому чело-
вѣку, онъ разбудилъ его вопросомъ: —
Что приготошилъ ты къ выставкѣ?

Арписпъ схватилъ друга своего
за руку, увлекъ его въ мастерскую,
и открылъ небольшую картину и пор-

прещъ. Послѣ непродолжительнаго, жаднаго созерцанія сихъ двухъ изящныхъ произведеній, Жиродетъ бросился на шею своему товарищу, и разцѣловалъ его, ибо не находилъ словъ для выраженія похвалы. То, что онъ почувствовалъ, могло бытъ передано только душою прямо душѣ.

— Ты влюбленъ? сказалъ Жиродетъ.

Оба артиста знали, что изящнѣйшіе портреты, писанные Тиціаномъ, Рафаэлемъ и Леонардомъ-де-Винчи, были одолжены своимъ существованіемъ одному чувствованію любви, посему молодой артистъ поклонилъ голову.

— Счастливъ же ты, что возвращаясь изъ Италіи, могъ влюбиться здѣсь; но не совѣтую тебѣ выставить эти картины, прибавилъ знаменитый живописецъ: повѣрь мнѣ, что изящества ихъ никто не почув-

спвуешъ. Эта пспина въ краскахъ, эта необыкновенная работа, не могушь бышь оцѣнены. Публика опвыкла ви-капъ во все это. Карпины, копорыя мы пеперь пишемъ, любезный другъ, проспо — экраны и шпрмы. Знаеш ли что? Спанемъ лучше писать спи-хи и переводить Анакреона! Увѣрю тебя что эшимъ скорѣе пріобрѣтемъ славу.

Несмотря на сей пріятельской совѣпъ, обѣ карпины были выспавле-ны.

Семейственная сцена пропзвела переворопъ въ живописи. Она служила основаніемъ роду карпинъ, такъ на-зываемыхъ: *домашнія сцены*, и копорыя въ такомъ множествѣ являющся на всѣхъ выставкахъ, что можно бы подумашъ, будто оныя получающся какимъ нибудь механическимъ спосо-бомъ. Что касается до портрета,

то вѣроятно очень мало такихъ арпистовъ, которые бы не помнили сего живаго холста, превознесеннаго цѣлою публикою, всегда справедливою въ совокупности, и увѣнчаннаго самимъ Жиродетомъ. Обѣ карпины были окружены бездною народа: около нихъ была ужасъ какая давка, какъ говорятъ дамы. Спекуляторы, вельможи покрыли сіи два холста двойными наполеондорами; но арпистъ ни за что не соглашался ихъ продать; даже отказался снять съ нихъ копій. Ему предложили большія деньги за позволеніе выгравировать эстампы съ его карпинъ: но и купцы успѣли не болѣе значныхъ.

Этотъ случай сдѣлался извѣстнымъ почти всему Парижу; но, по своей сущности, не могъ проникнуть въ маленькую Оивандскую пустыню улицы Св. Діонисія. Между тѣмъ слу-

чилось, что жена нопаріуса, навѣс-
пивъ Г-жу Гильомъ, разговорилась съ
Августинною, которую очень любила,
о выспавкѣ, и объяснила ей происхож-
деніе оной ^и и цѣль. Болловня Г-жи
Вернье возбуждала въ дѣвицѣ Августин-
нѣ желаніе видѣть картины, и прида-
ла ей довольно смѣлости, чтобы тай-
но упросить тетушку итти съ нею
въ Лувръ. Жена нопаріуса имѣла по-
рядочный успѣхъ въ переговорахъ, ко-
торыя вела по сему дѣлу съ Г-жею
Гильомъ; ибо выпросила своей племя-
нницѣ увольненіе, на два часа, отъ ея
печальныхъ занятій.

Молодая дѣвушка пробралась сквозь
толпу до увѣнчанной картины. Она
задрожала какъ основной листъ, когда
узнала себя на портретѣ. Она съ
боязнію посмотрѣла около себя, дабы
вернуться къ тетушкѣ, увлеченной
въ сторону оплывомъ толпы. Въ сію

самую минушу робкіе ея взоры вспрѣтливи пламенное лице юнаго живописца. Въ одно мгновеніе, она вспомнила физиогномію молодаго чловѣка, часпо проходящаго мимо ея оконъ, и копорого она хорошо замѣтила, полагая что то былъ какой нибудь новыи сосѣдъ.

— Вы видите къ чему любовь сдѣлала меня способнымъ! . . . шепнулъ артистъ застѣнчивой дѣвицѣ, которую сіи слова привели въ испугъ.

Она обрѣла сверхъестественныя силы, чтобы разсѣчь густую толпу, и присоединилась къ шепкѣ, еще не успѣвшей пробраться къ картинѣ.

— Васъ задавятъ! . . . вскричала Августина. Пойдемъ-те, тѣтушка.

Но въ залѣ, гдѣ были выставлены картины, бываютъ такія минушы, въ которыя двѣ женщины не имѣютъ возможности идти въ Луврскія гал-

лерек. Дѣвица Гильомъ и ея тѣпка были увлечены неправильнымъ движеніемъ толпы на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ отъ вѣпорой карпины. Тутъ, Г-жа Вернье и Августина могли вмѣстѣ приблизиться къ произведенію, превознесенному модою, которая на этотъ разъ не противорѣчила паланту. У жены нотаріуса вырвалось восклицаніе удивленія, которое было заглушено шумомъ и говоромъ толпы; но Августина невольно прослезилась, взирая на сію дивную сцену. Потомъ, руководимая неизъяснимымъ чувствованіемъ, она приложила палецъ къ своимъ губамъ, видя, въ двухъ шагахъ отъ себя, воспорженное лице молодаго живописца.

Онъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы, и указалъ на Г-жу Вернье, какъ бы на помѣху для нихъ, чѣмъ удостовѣрить дѣвушку, что онъ ее по-

нялъ. Сія знаки, казалось, жгли ея внутренность. Ей представлялось, будто она нѣкоторымъ образомъ преступна, ибо воображала, что между ею и незнакомцемъ, заключился въ шумную какую-то тайный договоръ.

Нестерпимая жара, безпрестанное мельканіе самыхъ блестящихъ туалетовъ, ослѣпительный блескъ яркихъ красокъ, множество живыхъ и живописныхъ лицъ, изобиліе раззолоченныхъ рамъ — все это возбудило въ Августинѣ какое-то упоительное чувство, усугубившее ея опасенія. Съ нею, можетъ быть, сдѣлалось бы дурно, еслибъ, вопреки сему хаосу различныхъ ощущеній, не возникло въ глубинѣ ея сердца еще невѣдомое ей наслажденіе, котораго быстрое распространеніе было для нея почти мучительно.

Въ то мгновение ей показалось, что она ~~ж~~одвластна тому злему духу, о которомъ громилъ проповѣдники, описывая всѣ ужасы его наущеній. Сія минуша была для нея минушою безумія.

Молодой человекъ, просіявшій благополучіемъ и любовью, проводилъ ее до кареты ея пешки. Тогда Августина, сдѣлавшись жертвою совершенно новой для нея раздражительности, какого-то упоенія, которое поработало ее природному влеченію, вняла краснорѣчивому голосу своего сердца. Она обращала взоры нѣсколько разъ на молодого живописца, не скрывая овладѣвшаго ею смущенія. Никогда румянецъ ея ланитъ не былъ ярче, никогда онъ не являлъ такой разительной противоположности съ бѣлизною ея шѣла. Это была красота въ полномъ цвѣтѣ, скромность, во всей своей славъ. Она

мыслила съ нѣкоторою радостію, что ея присущствіе составляло благополучіе того, чье имя было на всѣхъ устахъ; чей талантъ умѣлъ дать чело-вѣческое безсмертіе скоропреходящимъ изображеніямъ! Она была имъ любима! Въ эпомъ невозможно было ей усумниться.

Когда ей нельзя было болѣе видѣть аршиста, она всё еще слышала опзывающіяся въ ея сердцѣ сіи просныя слова: — „Вы видите, къ чему любовь сдѣлала меня способнымъ.“ Тогда ей показалось, что опъ спремительнаго біенія сердца, она ощущаетъ боль, ибо, почувствовала какъ кровь въ изобиліи струилась по всѣмъ жиламъ, и пробуждала въ ея слабомъ тѣлѣ усыпленную жизнь.

Она жаловалась на головную боль, чтобы избѣгнуть распросовъ тепки о картинахъ; но по возвращеніи,

Г-жа Вернье не могла удержаться, чтобы не сообщить Г-жѣ Гильомъ о славѣ, пріобрѣтенной Копомъ-Проказникомъ; и Августина пренепала всѣмъ тѣломъ, улышавъ, что мать ея намѣревается сходить на выставку для того, чтобы взглянуть на свой домъ. Молодая дѣвушка объявила, что ея головная боль усилилась, дабы получить позволеніе немедленно лечь въ постель.

— Вошь какая польза отъ этихъ зрѣлищъ! вскричала Г-жа Гильомъ. Головные боли! Куды какъ любопытно видѣть на картинѣ то, что можно каждый Божій день видѣть на улицѣ. И не полкуйте мнѣ объ этихъ живописцахъ! ни дасть ни взять ваши писакки: всѣ — голодные собаки! Лукавый что-ли ихъ дернулъ срамить мой домъ въ своихъ картинахъ!

— Опъ эпаго мы можемъ продать нѣсколько лишнихъ аршинъ сукна! сказалъ Іосифъ Леба.

Несмотря на сіе замѣчаніе, судище сихъ расчепливыхъ людей произнесло приговоръ надъ искусствами и поэзією, и легко вообразилъ, что сіи разговоры, не подали большой надежды Августинѣ.

Цѣлую ночь она посвятила первымъ думамъ о любви. Событія того дня казались ей сновидѣніемъ, которое съ наслажденіемъ она возобновляла въ своемъ воображеніи. Одинокая, она посвятила себя въ опасенія, надежды, угрызенія, въ малѣйшіе оппѣнки чувствованія, что въ совокупности должно ствовать потрясати ея сердце столь непорочное и неопытное. Какую пуспону представлялъ ей ихъ мрачный домъ, и какія сокровища она обрѣла въ своей душѣ. Быть женою

человѣка, одареннаго талантами, раздѣлять его славу! Какіе перевороты долженствовала произвести сія мысль въ сердцѣ молодой дѣвушки, воспитанной въ нѣдрахъ сего проспаго семейства! Какія надежды долженствовала она возбуждать въ молодой дѣвушкѣ, которая, напившись досель повседневными правилами, желала войти въ кругъ блестящей жизни. Это былъ лучъ солнца, проникнувшій въ подземную пещищу

Августина вдругъ полюбила. Сколько идей въ одно время льстило ея чувствованіямъ, что она принуждена была уступить. Она пренебрегла всѣмъ. Не всегда ли осьмнадцатилѣтняя дѣвушка смотритъ на свѣтъ сквозь призму любви? Она считала себя способною противустать жестокимъ борьбамъ, происходящимъ отъ союза женщины нѣжнолюбящей и скромной

съ мущиною, одареннымъ могущес-
ственнымъ воображеніемъ; она думала,
что предназначена составить счастье
сего челоуѣка, или, лучше, она ни о
чемъ не думала, не замѣчая ни какого
противорѣчія между имъ и собою; ибо
для нея, наспоющее сливалось съ бу-
дущностию.

Когда, на другой день, ея отецъ
и мать возвратились съ выставки,
то на ихъ недовольныхъ лицахъ мож-
но было прочесть неудачу. Во пер-
выхъ, обѣ картины были взяты об-
ратно своимъ равнымъ живописцемъ; а
во вторыхъ, Г-жа Гильомъ потеряла
свою черную кружевную косынку.
Увѣренность, что картины, послѣ ея
посѣщенія были вынесены съ выставки,
была для Августины доказательствомъ
нѣжной предупредительности, кою-
рую женщины всегда умѣютъ цѣнить

по какому-то безошченному чувствованію.

Въ то самое утро, когда, возвращаясь съ бала, Генрихъ де Соммервье (это было имя молодого аршиспа, повсюряемое молвою, и дошедшее до слуха Августины) былъ окропленъ конпорщиками Копа-Проказника, между тѣмъ какъ ожидалъ появленія своей возлюбленной, которая безъ сомнѣнія не подозрѣвала, что онъ такъ близко отъ нея, сіи два любовника видѣлись только въ четвертый разъ, съ самой сцены на выспавкѣ.

Препоны, прошивуполагаемыя пылкому характеру аршиспа порядкомъ, заведеннымъ въ домъ Г-на Гильома, успили его спрасть къ Августинѣ до непомвѣрной степени. Какъ предстать предъ молодую дѣвушку, всегда сидящую у конпорки, между двумя женщинами, каковы были Виргинія и

Г-жа Гильомъ? Какъ передавать ей свои мысли, когда мать ни на минуту не спускала съ нея глазъ?

Озабочиваясь мнимыми несчастіями, подобно всѣмъ влюбленнымъ, Генрихъ видѣлъ въ одномъ изъ конторщиковъ соперника, а въ другихъ, его наперсниковъ. И если онъ могъ надѣяться, что проведетъ сколько-нибудь аргусовъ, то ему казалось совершенно невозможнымъ укрыться отъ строгихъ взоровъ стараго негодяя и Г-жи Гильомъ. Вездѣ преграды, вездѣ опчаяніе. Самая пылкость спрашиваетъ молодомъ живописцѣ предящивала ему придумать одно изъ тѣхъ остроумныхъ средствъ, которыми, въ узникахъ и любовникахъ, являютъ какъ бы послѣднее усиліе разума человѣческаго, разгоряченнаго дикою привязанностію къ свободѣ, или болѣе дѣятельнымъ огнемъ любви. Въ такомъ рас-

положеніи духа Генрихъ Соммервьё, съ дѣятельностію чловѣка, лишеннаго разсудка, кружилъ по той частии города, гдѣ жилъ Г. Гильомъ, какъ будто бы движеніе могло внушить ему какую нибудь хитрость.

Наконецъ, разшеведя свое воображеніе, онъ придумалъ средство подкупить полспощекую служанку. Нѣсколько писемъ было передано въ продолженіи двухъ недѣль, послѣ того неблагопріятнаго утра, въ которое Г. Гильомъ и Генрихъ такъ хорошо рассмотрѣли другъ друга. Влюбленные успѣли условиться на счетъ свиданія въ назначенный часъ, вечеромъ, и сверхъ того въ воскресенье у обѣдни въ С. Лё. Къ тому жъ Августина доставила своему любезному Генриху списокъ всѣмъ своимъ родственникамъ и пріятелямъ ея семейства, и молодой живописецъ употребилъ всѣ старанія,

чтобы познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ, дабы задобрить, если возможно, въ пользу своихъ оправданныхъ заботъ, одну изъ тѣхъ душъ, занятыхъ деньгами и торговлею, для которыхъ искренняя любовь должна была казаться самою уродливою и неслыханною спекуляціею въ свѣтѣ.

Впрочемъ, въ привычкахъ семейства суконщика не произошло никакой переменны, и если, иногда, Августина казалась разсѣянною; если вдругъ уходила въ свою комнату, вопреки законамъ ихъ домашней хартии, чтобы тамъ усироить сигналы посредствомъ цвѣтовъ; наконецъ, если она вздыхала и погружалась въ задумчивость, то никто, даже и мать того не примѣчали.

Сіе обсполятельство возбудило безъ сомнѣнія нѣкоторое удивленіе въ тѣхъ, которые постигли духъ сего

семеиства, въ которомъ мысль, носящая на себѣ малѣйшій оппечатокъ поэзіи и оживляющая лице, производила рѣзкую пропивиуположеніе со всѣми окружающими физиогноміями и даже, не одушевленными предметами. Тѣмъ болѣе сей случай долженъ казаться необыкновеннымъ, что Августина не могла сдѣлать малѣйшаго пѣлодвиженія, бросивъ взгляда безъ того, чтобы Г-жа Гильомъ или Юсефъ Леба сего не замѣтили, и строго не разобрали. Впрочемъ, ничто не можетъ бытъ естеспвеннѣе. Безмятежный корабль, плавающій по бурному морю Парижа подъ флагомъ Кона Проказника, былъ въ это время жертвою порывистыхъ вихрей, которые, по причинѣ ихъ неріодическаго возвращенія, можно называть *экваторіальными*.

Уже цѣлыя двѣ недѣли, четверо муштинъ, составляющихъ экипажъ, Г-жа

Гильомъ и дѣвица Виргинія занялись многопрудною работою, извѣсною подѣ названіемъ *свода счетовъ*. Въ сіе время ворочали кипы, мѣрили на аршинъ куски сукна, дабы съ точностію знать, на какую именно цѣну останеся; тщательнo осматривали ерлычки привѣшенные къ кускамъ, чтобы сообразить время покупки; записывали новую цѣну. Г. Гильомъ не садился ни на мнуну, и съ аршиномъ въ рукахъ, имѣя перо за ухомъ, довольно походилъ на капитана, управляющаго маневрами карабля.

Пронзительнымъ голосомъ, опывающимся въ глубинѣ люковъ нижняго магазина, онъ произносилъ тѣ варварскія коммерческія выраженія, которыя, для другихъ, совершенныя загадки.

— Сколько Н — N — Z ?

— Весь.

— Много-ли остается Q — X?

— Два аршина.

— Какой цѣны?

— Пянь-пянь-три.

Пославъ А по три, весь J — J; весь M — P; и остатокъ V — D — O. Тысяча подобныхъ фразъ, столь же вразумительныхъ, оглушали магазинъ, подобно стихамъ новѣйшихъ поэтовъ, повторяемыхъ фанатиками другъ другу, чтобы поддержать энтузіазмъ какого нибудь великаго человѣка.

Вечеромъ Г-нъ Гильомъ, запершись въ своей комнатѣ съ конторщикомъ и женою, выдавалъ деньги по нѣкоторымъ счетамъ, переводилъ другіе къ позднѣйшему сроку, писалъ къ запоздавшимъ плательщикамъ, и соспавлялъ фактуры. Всѣ шрое инудилсъ надъ сею огромною работою, итоги которой помѣщались на одной страницѣ, и ясно доказывали старому не-

гоціанту, что его домъ имѣлъ хоро-
шій запасъ денегъ, товаровъ, векселей,
билетовъ и проч.; что онъ не имѣ-
етъ ровно никакого долга, а напро-
тивъ того, что ему должны сто или
двѣсти тысячъ франковъ; что капи-
талъ его увеличился, фермы вскорѣ
могутъ быть расширены; въ домахъ
сдѣланы перестройки, а доходы удво-
ятся; слѣдовательно должно было счи-
таться обязанностію начать съизнова
и съ бѣльшею ревностію чѣмъ когда
либо, копить новые сѣмки, а вопросъ
„къ какой стати?“ даже не прихо-
дитъ на умъ симъ прудомилливымъ му-
равьямъ. Благодаря подобной годовой
суматохѣ, счастливая Августина из-
бѣжала испаніи со стороны своихъ
аргусовъ.

Наконецъ, въ одну субботу, вече-
ромъ, былъ заключенъ сводъ. Цифры
ипюга сопровождаемы были довольно

нарочитымъ числомъ нулей, и по сему обстоятельству Г-нъ Гильомъ рѣшился снять запрещеніе, цѣлой годъ налагаемое на дессертъ. Понурливый суконщикъ, поширая руки, позволилъ конпорщикамъ оспаться за столомъ; но едва мушны успѣли допить рюмочку домашняго ликеру, какъ послышался на улицѣ стукъ кареты. Семейство Г-на Гильома поѣхало въ театръ *Variétés*, а младшіе два конпорщика получили каждый шести-франковый ефимокъ, съ дозволеніемъ идти куда имъ заблагоразсудится, но вмѣстѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы возвратились не позже полуночи.

Несмотря на сіе уклоненіе отъ повседневныхъ привычекъ, старый суконщикъ на другой день поутру, то есть въ воскресенье, выбрился къ шести часамъ, надѣлъ свѣтло-карпшнсовый кафланъ изъ тонкаго сукна, на

ворсь котораго онъ всегда поглядывалъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, прицѣпилъ золотыя пряжки къ завязкамъ шелковыхъ широкихъ шпановъ, а другими пряжками застѣгнулъ ключи у своихъ башмаковъ; потомъ, въ семь часовъ, когда всѣ еще покоились въ дсмѣ, онъ опсправился въ небольшой кабинетъ, успроенный въ первомъ этажѣ, и прмыкавшій къ концу его магазина. Свѣтъ проходилъ въ оный чрезъ окно, съ толстыми желѣзными перекладинами, которое выдавалось на маленькой четверугольный дворикъ, образуемый стѣнами споль темными, что заключаемое между ними пространство довольно походило на колодезь.

Старый негоціантъ самъ открылъ давно знакомые ему спавни, покрытые листовымъ желѣзомъ. Потомъ, поднялъ нижнюю половину оконницы, кото-

рая ходила въ пазахъ. Холодный воздухъ двора освѣжилъ теплую атмосферу кабинета, гдѣ особенный запахъ, свойственный конпорамъ, былъ очень ощутителенъ. Суконщикъ, стоя во злѣ соломеннаго кресла, обитаго сафьяномъ, первоначальный цвѣтъ котораго трудно было угадать, оперся на запачканную ручку стола, и, казалось, былъ въ недоумѣннн сѣсть ли ему, или нѣтъ. Онъ съ нѣжною заботливостію взглянулъ на конпорку съ двойнымъ наемомъ, у конпорой, изсушивъ его мѣста, находилось другое для его жены, образуемое небольшою впадиною въ спѣнн. Онъ созерцалъ нумерованныя кордонки, бичевки, разные инструменты, полъ, сундукъ, все такіе предметы, коихъ происхожденіе было незапамятно! и ему казалось, что стоитъ передъ вызванною пѣнью своего хозяина Шеврѣл. Онъ

придвинулъ топъ самый табуретъ, на которомъ когда-то сидѣлъ въ присуствіи своего покойнаго патрона. Табуретъ сей обитый черною кожею, изъ подъ которой торчалъ волосъ, старый сукончикъ, дрожащею рукою, поставилъ на то самое мѣсто, гдѣ онъ былъ въ то время, когда онъ самъ былъ призванъ къ своему ~~предшественнику~~; ~~печаль~~, съ неописаннымъ волненіемъ, онъ дернулъ за шнурокъ звонка, проведеннаго къ изголовью кровати Іосифа Леба.

Послѣ сего рѣшительнаго поступка, шарикъ, котораго сіи воспоминація безъ сомнѣнія очень взволновали, взялъ при или чепыре векселя, представленные ему до истеченія срока, и глядѣлъ на нихъ совершенно машинально, какъ вдругъ явился Іосифъ Леба.

— Сядьте шупъ, сказалъ ему Г. Гильомъ, указывая на шабурешъ.

Надобно замѣнить, что старый хозяинъ никогда не сажалъ своего конторщика при себѣ. Юсифъ Леба пришелъ въ крайнее смущеніе.

— Что вы думаете объ этихъ векселяхъ? спросилъ Г-нъ Гильомъ.

— По нимъ не будетъ уплачено.

— Какъ?

— Я узналъ, что прешьяго дня Леру и компанія уплатили всё золотомъ.

— Ого! вскричалъ суконщикъ, видно онъ не на шупку боленъ, когда уже у него показалась желчь! — Но поговоримъ о другомъ. — Юсифъ, сводъ счетовъ конченъ?

— Совсѣмъ, сударь, и дивиденды такъ значительны, что еще никогда у васъ подобныхъ не было.

— Не употребляй пожалуйста этих новомодных словъ, Юсифъ! Говори просто—выручка. Знаешь ли, голубчикъ, что нѣкоторымъ образомъ мы тебѣ одолжены сими барышами.... А потому, я нехочу чтобъ ты опнынъ былъ на жалованьи. Г-жа Гильомъ подала мнѣ мысль доставить тебѣ такую выгоду, что. . . . Гм., Юсифъ! Куды бы лихо было выславить: Гильомъ, Леба и К-ія., ибо можно поставитъ и Компанія, чтобы придасть подписи болѣе важности.

Глаза Юсифа Леба наполнились слезами, и онъ, удерживаясь со всевозможнымъ усиленіемъ отъ нихъ, вскричалъ:

— Ахъ! Г-нъ Гильомъ!
Чѣмъ заслужилъ я столь милосливое расположеніе, я исполнялъ только долгъ мой. Я бѣденъ, и уже столько обязанъ вамъ за то, что. . . .

Онъ чистилъ обшлагъ праваго рукава лѣвымъ, и не смѣлъ взглянуть на спарика, который улыбался, помышляя, что эпопъ скромный молодой человекъ нуждался, какъ и онъ самъ нѣкогда, въ нѣкоторомъ ободреніи, дабы придать ему смѣлости, необходимой для полнаго объясненія.

— Однакоже, Іосифъ! возразилъ отецъ Виргиніи, ты не совсѣмъ заслуживаешь мое расположеніе, ибо ты менѣе довѣряешь мнѣ, нежели я тебѣ?

Конторщикъ съ живостію поднялъ голову.

— Тебѣ извѣстны всѣ тайны моей кассы; въ продолженіе двухъ лѣтъ, я не скрывалъ отъ тебя почти никакихъ моихъ дѣлъ; посылалъ тебя въ разъѣзды какъ довѣреннаго конторщика; наконецъ, мое сердце открыто для тебя! а ты? Ты лю-

бишь, и не вымолвилъ мнѣ о томъ ни словечка!

Иосифъ Леба покраснѣлъ.

— Ага! воскликнулъ Г-нъ Гильомъ, и такъ ты думалъ что проведешь такую спарую лицу, какъ я? Меня проведи! . . . Развѣ ты забылъ, какъ я нѣкогда угадалъ, что Лекокъ долженъ обанкрѣпиться, и какъ я попомъ выпутался изъ бѣды!

— Какъ, сударь? отвѣчалъ Иосифъ Леба, смотря на своего хозяина съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ и поппъ смотрѣлъ на него; какъ! вы знаете кого я люблю?

— Я все знаю, плутишка! молвилъ почтенный и вмѣстѣ лукавый суконщикъ, взявъ его слегка за ухо; и прощаю тебя, попому что самъ поступилъ точно также!

— И вы согласны опдаться ея за меня?

— Согласенъ, и опдамъ еще съ пятыюдесятыю тыльчана ефимковъ!.... Я предоставлю тебѣ сверхъ сего еще сполько же, и мы примемъ за новый торгъ, такъ что любо будетъ по-смотримъ! Опять спанемъ вмѣспѣ клѣпъ дѣлишки, голубчикъ! вскричалъ старый купецъ пришедшій въ нѣкоторый воспоргъ, всаваая съ мѣспа, и сплеснувъ руками; ибо, изволь видѣть, любезный зяпекъ, чпбó можешъ сравняшься съ коммерціей!.... Одни только набишые дураки не могутъ понять, какое въ ней можно найти удовольствіе.

О! искашь горячаго слѣда дѣль;— знашь всегда каково идетъ на Биржѣ; — ожданъ съ недоумѣніемъ, какъ въ игрѣ, банкротства дома Этьеновъ и К-ин; — смотрѣть на марширующій

полкъ Императорской Гвардіи, когда знаешь, что самъ одѣлъ его; — подкосить ноги сосѣду, разумѣется честнымъ образомъ! — дешевле опускать фабричныя издѣлія; — слѣдовать за ходомъ дѣла, самимъ созданнымъ въ умѣ, которое образуется, постепенно развивается, колеблется, наконецъ, получаетъ желаемый успѣхъ; — узнавать, не хуже Министра полиціи, отношенія всѣхъ коммерческихъ домовъ, чтобы не попасть на ложную стезю; судить ихъ, безбоязненно ожидать паденія ихъ; имѣть друзей по корреспонденціи во всѣхъ мануфактурныхъ городахъ! Уфъ! Вотъ непрерывная игра, Господи! Вотъ что называется жить! Я умру посреди подобной попѣхи, какъ старый Шервель, и — знай нашихъ.

Въ жару краснорѣчивѣйшей импровизаціи, когда либо сдѣланной спа-

рикомъ Гильомомъ, онъ почти и не замѣнилъ, что его конпорщикъ залпвался слезами

— Что съ тобою, Иосифъ, голубчикъ мой?

— Ахъ, я ее такъ люблю, господинъ Гильомъ, что я думаю. . . . что сердце у меня зампраешъ. . . .

— Е! голубчикъ! сказалъ разпроганный спарикъ, ты болѣе счастливъ нежели предполагаешь, ибо, что грѣхъ таишь, и она тебя любитъ! я это знаю. . . Какъ не знать! И онъ помигивалъ своими маленькими зелеными глазами, поглядывая съ коса на своего конпорщика.

Иосифъ Леба воскликнулъ въ восторгъ:

— Августина, Августина!

Съ этими словами онъ было бросился бѣжать изъ кабинета, какъ вдругъ почувствовалъ, что его удер-

живаешь мощная рука. То былъ изумленный его хозяинъ, которъй насильно вернулъ его назадъ.

— Съ какой стати вмешивать Августину въ это дѣло? спросилъ Г-нъ Гильомъ такимъ голосомъ, что Юсифъ Леба невольно задрожалъ.

— Не ее ли я люблю проговорилъ конторщикъ, запинаясь.

Г-нъ Гильомъ, смущенный недостаткомъ своей проникательности, съѣлъ снова, и закрылъ свое продолговатое лице обѣими руками, чтобы раздумать о затруднительномъ положеніи, въ которомъ онъ находился.

Приспѣженный и разстроенный Юсифъ Леба стоялъ неподвижно.

— Юсифъ! возразилъ вдругъ съ холодною важностію негоціантъ, я говорилъ съ вами о Виргиніи. Любвию повелѣвать нельзя, я это знаю. Ваша скромность мнѣ извѣстна; за-

будемъ нашъ разговоръ ; попому что я никакъ не соглашусь выдать замужъ Августину прежде Виргиніи. Вашимъ молчаніемъ вы выиграете десять на сто.

Конпорщикъ , которому любовь придала какую-то особенную сѣблостъ и краснорѣчіе, сложилъ руки, и цѣлыя четверть часа говорилъ Г-ну Гильюу съ такимъ жаромъ и чувствительностію , что дѣло приняло другой оборотъ. Еслибы рѣчь шла объ какой нибудь торговой сдѣлкѣ, то спайый негоціантъ, сообразя свои непреложныя правила, рѣшился бы немедленно ; но брошенный за тысячу миль отъ коммерціи, въ море чувствованій, не имѣя компаса, онъ мысленно сознавался , что плаваетъ въ недоумѣніи, будучи игралищемъ сего необыкновеннаго случая: и увлеченный природнымъ

добродушіемъ, онъ почти началъ бредить.

— Кой чортъ, Іосифъ, ты кажешся долженъ знать, что моя старшая дочь родилась десятию годами ранѣе младшей! Хотя въ дѣвицѣхъ жена моя была нехороша, а пожаловаться на меня все таки не можетъ. Объ чемъ горевать, это можетъ быть уладится, подождемъ! Всегда можно выпутаться изъ бѣды. Наша братья мужья не всегда бывають селадонами для своихъ женъ ты меня понимаешь? Г-жа Гильомъ чрезъ чуръ набожна, и Ну; была не была, голубчикъ возьми сегодня по упрямству Августину подъ руку, когда пойдемъ къ обѣднѣ!

Таковы были несвязныя фразы, произнесенныя Г-мъ Гильомомъ. Заключение оныхъ восхищало влюбленнаго к инпорцака: онъ уже прочилъ Впр-

гнїю за одного изъ своихъ прїятелей, когда, выходя изъ закопшлага кабинета, онъ пожималъ руку своему будущему шестю; и сказалъ ему, съ значительной ужимкой, что все устроится къ лучшему.

— Что-то подумаетъ Г-жа Гильомъ! была мысль, крѣпко пережившая честнаго негоціанта, когда онъ остался одинъ.

За завтракомъ Г-жа Гильомъ и Виргинія, отъ которыхъ суконщикъ скрылъ показѣсть неудачу упреннаго совѣщанія, довольно лукаво посматривали на Юсефа Леба, который былъ въ немаломъ замѣшательствѣ. Неприпворная воздержность конпорщика прїобрѣла ему удивительнымъ образомъ расположеніе его будущей шещи. Почтенная супруга суконщика спала такъ весела, что смотрѣла на Г-на Гильома улыбаясь, и даже

позволила себѣ нѣкоторыя маленькія шулки, кои, съ незапамятныхъ временъ, водились въ сихъ невинныхъ семействахъ: она заговаривала объ роспѣ Виргиніи и Іосифа, чтобы заставивъ ихъ помѣряться. Сіи предварительныя намѣки, навели на чело главы семейства небольшія шучи. Онъ даже обнаружилъ такое уваженіе къ соблюденію приличій, что приказалъ Августинѣ дать руку спаршему конторщику, когда собрался идти въ церковь Св. Лё. Гжа Гильомъ, удивленная такою скромностію въ муцинѣ, почтила своего мужа одобрительнымъ наклоненіемъ головы. И такъ кортежъ, отправившись изъ гошическаго дома, шествовалъ въ порядкѣ, который не могъ подать повода къ лукавымъ полкамъ сосѣдей.

— Не правда ли, сударыня, сказалъ Августинѣ дрожащимъ голосомъ конторщикъ, что жена негоціанта, умѣв-

шаго, какъ наиримѣръ Г-нъ Гильомъ, составить себѣ порядочный достатокъ, могла бы попріятнѣе вашей мапушки проводить время, могла бы носить брилліанты, разъѣзжать въ экипажѣ. Что касается до меня, то если бы я женился, ужъ самъ хлопоталъ бы обо всемъ, чшобы видѣть свою жену счастливою. Я бы не засадилъ ее въ свою конюру пошому что, извольте видѣть, по части сукна, женщины теперь не такъ уже нужны, какъ вспарь. Г-нъ Гильомъ хорошо дѣлалъ, что поступалъ по спаршному, ибо ваша мапушка сама охотно брала участіе въ его занятіяхъ. По моему же, достаточнo, когда жена, дабы не привыкнуть чрезъ чуръ къ праздности, порядочно умѣетъ вести счеты, иногда помочь въ перепискѣ, опустшить покупщику какую нибудь мелочь, при случаѣ спорговать-

ся, когда придуть заказать что нибудь, и занялся хозяйствомъ. А послѣ семи часовъ, когда лавка уже будетъ заперта, по моему, шакъ можно и повеселиться сѣздишь въ театръ, въ гости Вы меня не слушаете.

— Какъ не слушаю, господинъ Юсифъ; но какъ вы думаете объ живописи? Не правда ли, что хорошо быть живописцемъ!

— Да, конечно, бываютъ маляры, у которыхъ водятся таки эфимки

Разговаривая такимъ образомъ, семейство сіе пришло въ церковь Св. Лё. Тутъ Г-жа Гильомъ снова вступила въ свои права. Она, въ первый разъ, приказала Августинѣ сѣсть возлѣ себя; а Virginii, которой она велѣла занять прешье кресло, пришлось сидѣть возлѣ Г. Леба. Въ продолженіи поученій, читанныхъ священникомъ,

все шло какъ нельзя лучше между Августинною и Генрихомъ Соммервьё, который, стоя за колонною, съ усердіемъ молился глазами; но вдругъ Г-жа Гильомъ замѣшила, хопя и поздновапо, что дочь ея Августина держитъ молшвенникъ вверхъ ногами. Она уже намѣревалась порядкомъ пожуришь ее, какъ вдругъ поднявъ свое черное покрывало, она перестала чшпань и начала присмаприваться въ ту сторону, въ которую были обращены взоры ея дочери. Съ помощію своихъ очковъ, она увидѣла молодаго аршисна, коего по щеголеватой, свѣтской одеждѣ скорѣе можно было счесть за опставнаго кавалерійскаго капитана, чѣмъ за негоціанта какого нибудь предмѣспья. Трудно представивъ себѣ гнѣвъ, овладѣвшій Г-жею Гильомъ, женщиною твердо увѣренною, что дала превосходное воспитаніе своимъ дочерямъ,

когда вдругъ открыла въ сердцѣ Августины тайную любовь, возникшую безъ вѣдома родителей, опасности коей увеличивались еще въ ея умѣ отъ излишняго скромничества и совершенной неопытности. Она воображала, что дочь ея заражена до глубины сердца.

— Держите вопервыхъ, сударыня, вашу книгу какъ слѣдуетъ! сказала она голосомъ, хотя не громкимъ, но дрожащимъ отъ гнѣва.

Она съ живоспїю вырвала изъ рукъ дочери измѣннической моливленникъ, и обернувъ оный, возвратила ей, послѣ чего прибавила:

— Смѣй только спустить глаза съ моливленника, то я тебя научу смотрѣть въ стороны. Послѣ обѣди отецъ твой и я, поговоримъ съ тобою.

Слова сіи были громовымъ ударомъ для бѣдной Августіны. Она опорохѣла; но, волнуемая съ одной стороны сильною гореснію, а съ другой страхомъ обративъ на себя испытующіе взоры всѣхъ присутствующихъ, она имѣла довольно твердости, чтобы скрыть душевное разстройство. Несмотря на сіе, не трудно было угадать насильственное состояніе ея души, видя дрожащій въ рукахъ молитвенникъ, и слезы, падающія на каждую страницу онаго.

Арписиъ вспрѣшилъ яростный взглядъ изъ впалыхъ очей Г-жи Гильомъ, и понялъ пайну. Онъ вышелъ съ бѣшенствомъ въ сердце, на все готовый.

— Изволь ийти въ свою комнату, сударыня! сказала Г-жа Гильомъ своей дочери, возвращаясь домой. Мы велимъ позвать тебя; въ особенности же, не смѣй уйти куда нибудь.

Переговоры между двумя супругами были споль тайны, что трудно составивъ протоколъ оныхъ. Впрочемъ, Виргинія, копорая разными увѣщаніями старалась ободрить сеспру, простерла свою услужливоснь до того, что неоднократно подкрадывалась къ дверямъ спальни маперы, гдѣ происходило совѣщаніе, чтобы подслушать нѣсколько словъ. Въ первое свое путешествіе съ претьяго эпажа во внорой, она услыхала восклицаніе отца:

— Развѣ ты хочешь погубить свою дочь?

— Милая сесприца, сказала Виргинія разспроенной Августинѣ, ба-тюшка береть твою сторону!

— А что они намѣрены сдѣлать Генриху! спросила невинная дѣвушка.

Тогда любопытная Виргинія сошла снова; и на эпотъ разъ оставалась

долѣ, ибо узнала, что Г. Леба любитъ Августину.

Въ сей незабвенный день, дому обыкновенно споль мѣрному, суждено было принять видъ совершеннаго ада. Г. Гильомъ привелъ въ опчаяніе Іосифа Леба, открывъ ему тайную любовь Августины къ незнакомцу. Леба, который уже склонилъ своего пріятеля искать руки Виргиніи, вдругъ увидѣлъ, что всѣ его надежды разрушены. Дѣвица Виргинія, мучимая мыслию, что Г. Іосифъ нѣкопорымъ образомъ отказался отъ ея руки, почувствовала сильную головную боль. Однимъ словомъ, раздоръ, возникшій между Г-мъ и Г-жею Гильомъ послѣ упомянушаго совѣщанія, въ которое они въ третій только разъ, въ продолженіи ихъ супружества, были несогласны въ своихъ мнѣніяхъ, обнаружился самымъ ужаснымъ образомъ.

Наконецъ, въ чепыре часа по полудни, Августина блѣдная, препенущая, съ заплаканными глазами, предстала предъ своихъ родителей. Блѣдная дѣвушка опккровенно рассказала имъ краткую повѣсть о своей любви. Обуренная снисходительностію отца, обѣщавшаго не прерывая выслушать ее, она съ нѣкоторою твердostí произнесла предъ лицомъ своихъ родителей имя Генриха *де* Соммервѣ, лукаво сдѣлавъ удареніе надъ аристократическою частіцею. Помомъ, предавшись въ первый разъ наслажденію говорить о своихъ чувствованіяхъ, она имѣла довольно смѣлости, чтобы съ невинною рѣшительностію объявить, что она любитъ Г. Генриха *де* Соммервѣ, что она ему объ этомъ писала уже; и, со слезами на глазахъ, она прибавила, что будетъ несчастлива, если ее принесутъ въ жертву другому.

— Но, Августина! знаешь-ли ты что такое живописецъ? вскричала ея мать съ отвращеніемъ.

— Жена! сказалъ старый негоціантъ, взглянувъ на Г-жу Гильомъ; и симъ восклицаніемъ наложилъ молчаніе на уста своей супруги.

— Августина, прибавилъ оня, аршисты вообще голы какъ соколы. Они распочипельны, и почти всегда гуляки. Я былъ пославщикомъ у покойнаго Г. Юсифа Вернета, у покойнаго Г. Лекеня и у покойнаго Г. Новерра. Бапюшки свѣты! еслбы ты знала сколько эпопъ Г. Новерръ, Г. Шевалье де Сен-Жоржъ, и въ особенності Г. Филлдоръ, надѣлаи хлопотъ бѣдному Г. Шеврѣлю Чудаки да и полько! Краснобаи, развязны хопъ куды Ужъ вѣрно пвой Г. Суммер Соим

— *Де Сомервьё, бапюшка!*

— Ну, де Соммервьё, пусть такъ! ужъ вѣрно онъ никогда не былъ такъ любезенъ съ побою, какъ Г. Шевалье де Сен. Жоржъ былъ въ отношеніи ко мнѣ въ тотъ день, въ который я получила въ руки *Консульскую сентенцію* пропивъ него. Да и по сказанью, всѣ они въ тогдашнее время были не изъ проспыхъ

— Но, бапюшка, Г. Генрихъ, дворянинъ и писалъ мнѣ что онъ богатъ До революціи, его отецъ имѣлъ титулъ Графа.

При сихъ словахъ, Г. Гильомъ взглянулъ на свою грозную половину, которая, подобно всѣмъ женщинамъ раздосадованнымъ пропивурѣчіями, поспукивала носкомъ объ полъ, и хранила глубокое молчаніе. Избѣгая даже встрѣпипшь своими гнѣвными взорами глаза Августины, она, казалось, возлагала на Г. Гильома всю отвѣпспвен-

носпь въ споль важномъ дѣлѣ, но ея совѣты не были уважены. Впрочемъ, несмотря на припворное равнодушіе, она, увидѣвъ что мужъ ея такъ легко принялъ рѣшеніе въ обспояпельспвахъ совершенно чуждыхъ коммерціи, вскричала:

— По испинѣ, сударь, вы до такой степени слабы къ вашимъ дочерямъ что

Шумъ кареты, остановившейся у воротъ, вдругъ прервалъ нагоняй, котораго спарый негоціантъ уже началъ спрашиваться.

Въ мгновеніе ока, Г-жа Вернье появилась въ комнапѣ; и, взглянувъ на спрехъ дѣйспвующихъ лицъ въ сей семейспвенной сценѣ, сказала съ видомъ покровительспва:

— Я знаю все! Г-жа Вернье имѣла слабость думать, что жена Парижскаго нотаріуса могла

играешь роль утонченной свѣтской женщины. — Я знаю все, повпорила она, и являюсь въ Ноевъ ковчегъ, подобно голубю съ масличною вѣтвью.

— Я читала сію аллегорію въ *Духъ Христіанства* (*Génie du Christianisme*), сказала она, обращаясь къ Г-жѣ Гильомъ; и сіе сравненіе должно вамъ нравиться, сестрица.

— Знаешь-ли, прибавила она, смотря съ улыбкою на Августину, что эпопъ Г. де Соммервье опличный молодой человекъ. Онъ сегодня подарилъ мнѣ мой портретъ, сдѣланный масперски, который стоить по крайней мѣрѣ шести тысячъ франковъ..... При сихъ словахъ, она слегка ударила по плечу Г. Гильома; и старый негоціантъ не могъ удержаться отъ особеннаго рода гримасы, которая была ему свойственна.

— Я очень коротко знаю Г. де Соммервьё, продолжала шепка. Недѣль двѣ тому назадъ, онъ бывалъ у меня на вечерахъ, и обворожилъ всѣхъ. Вопль почему я взялась бытъ его ходашаемъ. Онъ повѣрилъ мнѣ всѣ свои сердечныя заботы: съ сегодняшняго утра, я знаю что онъ обожаетъ Августину, и ей бытъ за нимъ. О! сесприца, не качай пожалуста головою въ знакъ своего несогласія! . . . Знаешь ли, что поговариваютъ будто бы его пожалуютъ въ Бароны, и будто бы самъ Императоръ, на выставкѣ, далъ ему крестъ Почетнаго Легіона. Г-нъ Вернье у него нотаріусомъ, и знаетъ его соснояніе. И чпожъ! Онъ ежегодно имѣетъ чистаго, вѣрнаго дохода, двадцать четыре тысячи ливровъ. Знаешь ли, что нисеть такого человѣка можеть вый-ти въ люди, сдѣлашься меромъ въ своемъ округѣ, напримѣръ! Развѣ ны не

помнишь, что Г. Дюпонъ былъ возведенъ въ Имперскіе Графы, и сдѣланъ Сенапоромъ, ради того, что былъ мѣромъ, и привѣсповоалъ Императора при его въздѣ въ Вѣну. О, эша свадьба уладилса! Я, такъ обожаю эшаго милаго молодого человѣка! Обхожденіе его съ Августиною самое романтическое. Будь спокойна, душенька, ты будешь счастлива, и всѣ будущъ завидовать тебѣ. У меня на вечерахъ бываетъ Дюшесса Каригліано, которая безъ ума отъ Г. Генриха де Соммервѣ: злые языки говорятъ даже, что она только для него ѣздитъ ко мнѣ, какъ будто бы для Дюшессы—скороспѣлки униженно бываетъ у своего нотаріуса.

— Августина, примолвила тетка послѣ краткаго молчанія, я видѣла поршрешъ! Ахъ, какъ онъ хорошъ. Знаешь ли, что Императоръ желалъ на него посмотришь, и смѣяся

сказалъ Великому Конетаблю , что еслибы при его Дворѣ было побольше такихъ красавиць въ то время , какъ у него собирается столько Королей , то онъ ручался бы поддержать вѣчный мiръ въ Европѣ.

Слѣдствiя сихъ пренiй легко угадашь. Гроза , ознаменовавшая начало сего дня , должна была сходствовать съ бурями , возникающими въ природѣ , и подобно симъ послѣднимъ , предшествовать ясной и тихой погодѣ. Г-жа Вернье такъ увлекательно умѣла въ своихъ разговорахъ выспавить на видъ выгоды сего союза , коснувшись вдругъ , въ расчепливыхъ сердцахъ Г-на и Г-жи Гильомъ , сколько спрунъ , что наконецъ успѣла задѣть самую чувствительную ; чѣмъ она и воспользовалась.

Въ сію странную эпоху , негоціанты и богатые промышленники , болѣе нежели когда нибудь , имѣли без-

разсудную спрась заключать союзы съ вельможами, и Генералы Имперіи довольно выгодно умѣли воспользоваться симъ расположеніемъ. Г. Гильомъ сильно воспавалъ грошиву сей общей слабости. Любимыя его аксіомы были: что женщина, желающая снискасть счастье, должна выйти замужъ за равнаго себѣ; что желающій возвыситься, рано или поздно будетъ въ томъ расклеваться; что хозяйственные заботы охлаждаютъ любовь до такой степени, что для взаимнаго счастья, супруги необходимо должны быть одарены качествами, поселяющими уваженіе другъ къ другу; что супруги должны быть въ равной степени образованы, ибо, главное условіе согласія — быть въ состояніи понимать другъ друга; что если мужъ говоритъ погречески, а жена полапыни, то оба очень легко могутъ умереть съ голо-

да. Это было родъ пословицы, придуманной имъ самимъ. Подобныя супружества онъ обыкновенно сравнивалъ съ шьми спарянными полшерстяными матеріями, въ коихъ шелковыя нити всегда подъ конецъ перетирають шерстяныя. Несмотря на сіе, сердце человеческое въ такой мѣрѣ преисполнено суеиности, что все благоразуміе стараго главы семейства принуждено было покориться наступательному велерѣчію Г жи Вернье. Даже строгая Г-жа Гильомъ, въ склонности своей дочери, первая нашла уважительныя причины, чтобы опснущишь опъ сихъ правилъ, и согласилъсь принять въ своемъ домѣ Генриха де Соммервьё, котораго она надѣялась подвергнушь строгому испытанію.

Старый негоціантъ пошелъ уведомить Іосифа Леба о положеніи дѣлъ. Въ половинѣ седьмаго часа, споловая,

прославленная кистью знаменитаго живописца, соединила, под своимъ полкомъ съ просвѣтами, Г-на и Г-жу Вернье, молодаго архитекта и его любезную Августину, Иосифа Леба, съ покорностію переносящаго свое счастье, и дѣвицу Виргинію, головная боль коей унялась. Г-нъ. и Г-жа Гильомъ видѣли въ будущемъ своихъ дѣтей приспособенными, и судьбы Кота Проказника переходящія въ опытныхъ руки. Ихъ удовольствіе достигло высочайшей степени, когда, за десерпомъ, Генрихъ де Соммервьё подарилъ имъ превосходную каршину, которую они не могли видѣть, и которая представляла внутренность ихъ старой лавки, бывшей виновницею полкаго счастья.

— Вѣдь любо-дорого, вскричалъ Г-нъ Гильомъ, какъ спанешъ всемъ говорить, что за это давали тридцать тысячъ франковъ!

— Да посмотрите, шупь видны даже и ушки на моемъ чепчикѣ! . . . возразила Г-жа Гильомъ.

— А эпи-по разложенныя маперіи! прибавилъ Юспфъ Леба; такъ и хочешся взять рукою.

— Драпировка всегда возвышаетъ достоинство картины, отвѣчалъ живописецъ. Мы, новѣйшіе артисты, почли бы себя весьма счастливыми, еслибъ могли достигнуть въ драпировкѣ совершенства древнихъ.

— Вы говорите съ пристрастіемъ о дегатировкѣ, слѣдовательно любите и суконное дѣло! воскликнулъ Г-нъ Гильомъ. И такъ, любезнѣйшій! вопъ вамъ моя рука. Вы уважаете коммерцію, слѣдовательно мы другъ друга понимаемъ. Да и впрямъ, за что бы ее презирали? Не шѣмъ ли же самымъ начался свѣтъ, ибо Адамъ продалъ рай за яблоко. Признайся, эпо

была не очень-то выгодная спекуляція!

И старый негоціантъ захохоталъ съ просподушіемъ, будучи расположенъ къ тому шампанскимъ, которое, на этотъ разъ, лилось съ большимъ изобиліемъ.

Облако, покрывавшее глаза молодого артиста, было столь густо, что онъ нашелъ будущую свою родню почти любезною. Онъ даже не счелъ ниже своего достоинства позабавить ее нѣкоторыми шутками, носящими отпечатокъ очищеннаго вкуса. А по сему-то, онъ и понравился всѣмъ.

Вечеромъ, когда гостинная *знатно украшенная*, какъ выражался Г-нъ Гильомъ, опустѣла, и въ то самое время, какъ Г-жа Гильомъ суепплась переходя отъ стола къ камину, отъ канделябровъ къ подсвѣчникамъ, и съ поспѣшностію гасила восковыя свѣчи,

почтенный негодяишъ , который никогда не давалъ промаха , коль скоро рѣчь шла о какихъ нибудь торговыхъ сдѣлкахъ или деньгахъ , подозвалъ Авгуспину ; и , посадивъ ее къ себѣ на колѣни , началъ ей говорить слѣдующее :

— Милая дочь , ты желаешь выйти замужъ за Г-на Сомервѣе , я не препятствую тебѣ въ этомъ ; твоя воля рисковать своимъ капиталомъ счастья . Но меня не проведутъ этими прищипью тысячами франковъ , которые выручаются , портя хорошій холстъ . Я знаю , что деньги , которые скоро приходятъ , скоро и уходятъ . Еще сегодня вечеромъ этотъ молодой вертопрахъ говорилъ , что деньги для того и круглы , чтобы крѣпиться по рукамъ . А развѣ онъ не знаетъ , что если деньги круглы для моповъ , то бережливые люди очень вѣдаютъ , что онѣ плоски для того , чтобы накопляться .

Этотъ красавчикъ поговариваетъ, что
будетъ возить тебя, дочь моя, въ ка-
ретъ, наряжать въ брилліанты!
У него водятся деньги, пусть и из-
держиваетъ ихъ на тебя! *Блаженни*
върующіе! Это до меня не касается.
А вотъ что касается до твоего при-
даного, то я не хочу чтобъ эфимки,
собранные съ такимъ трудомъ, ушли
на экипажи или на щегольскія зашвы.
Кто слишкомъ испорчатъ, тотъ не
будетъ богатъ. На пятьдесятъ ты-
сячъ эфимковъ еще не купишь цѣлаго
Парижа; и ты пожалуй считай себя,
что на твою долю придется со вре-
менемъ не одна сотняга тысячь фран-
ковъ, а я, *себя на умъ*: заставляю та-
ки тебя подождать годъ — другой
лишній. Посему-то я опоздалъ твое-
го жениха въ уголокъ; и, сама ты зна-
ешь, что человѣку, который велъ бан-
крутство Лекока, не мудрено было

уговорить артиста вступить въ бракъ съ дѣвушкою, не соединяя имѣній. Я не упусти изъ виду, чпобы, въ брачномъ контрактѣ, статьи объ уступкахъ, дѣлаемыхъ имъ въ твою пользу, были составлены законнымъ порядкомъ. Впрочемъ, что объ этомъ толковать, милая Августина, я твердо надѣюсь быть дѣдушкою, и съ этихъ уже поръ начну занимать мои внуками!..... И такъ, поклянись мнѣ теперь же, что ничего не предпримешь безъ моего совѣта; или, если я, паче чаянн, скоро отправлюсь къ отцу Шеврёлю, не сдѣлаешь никакого обязательства, не посоветовавшись прежде съ молодымъ Леба, твоимъ шуриномъ. Общай исполнить это.

— Клянусь, бапюшка, исполнить ваше желаніе.

При сихъ словахъ, съ смиреніемъ произнесенныхъ Августиною, старикъ

поцѣловалъ свою дочь въ обѣ щеки, и, въ сей вечеръ, обѣ чепы любовниковъ провели ночь споль же безмятежно, какъ и Г-нъ Гильомъ съ супругою.

Спусти нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сего достопамятнаго воскресенья, въ церкви Св. Лё были обвиняемы двѣ чепы, весьма различныя между собою.

Августина и молодой Генрихъ де Соммервьё, прибывшіе въ великолѣпномъ экипажѣ, предспали у алтаря во всемъ блескѣ счастья, окруженные всею очаровательностью любви, облеченные въ пышныя убранства. А Виргинія, пріѣхавшая съ своимъ семействомъ въ проспенской каретѣ, скромно слѣдовала, рука объ руку съ покорнымъ Г. Леба, въ менѣе запѣшливыхъ пардахъ, за своею юною сеспирою, какъ шѣнь, необходимал для общей гармоніи всецѣлости сей картины.

Сколько Г. Гильомъ ни старался, чтобы Виргинію обвинчали прежде Августины, но съ огорченіемъ видѣлъ, что весь церковный причетъ при каждомъ обстоятельствѣ относился сперва къ болѣе пышной невѣстѣ.

Онъ слышалъ, какъ нѣкоторые изъ его сосѣдей чрезвычайно одобрили разсудительность дѣвицы Виргиніи, которая, по ихъ словамъ, вступала въ бракъ прочный, и оставалась вѣрною своему скромному сословію; между тѣмъ они отпускали на счетъ Августины колкости, возбуждаемыя зависью: она выходила замужъ за архисита, за благороднаго. Они прибавили еще, съ видомъ нѣкотораго страха, что если Г. Гильомъ хоть сколько нибудь имѣетъ *амбиціи*, то долженъ навсегда оставить ремесло суконщика. Г. Гильомъ очень радовался благоразумію, съ которымъ, по его старанію

былъ составленъ брачный контрактъ, когда услышалъ замѣчаніе какого — по спараго продавца вееровъ, коіпорый объявлялъ, что эпортъ аршистъ — *кутила*, какъ разъ доведешь свою жену до нищенской суммы.

Вечеромъ, члены семейства распались послѣ пышнаго бала и одного изъ шѣхъ изобильныхъ ужиновъ, воспоминаніе о коіпорыхъ вовсе изчезло въ настоящемъ поколѣніи.

Г-нъ и Г-жа Гильомъ оспались въ своемъ домѣ, въ улицѣ *Colombier*, въ томъ самомъ, гдѣ была празднована свадьба. Г-нъ и Г-жа Леба, въ покойной своей каретѣ, поѣхали въ старый домъ, въ улицѣ Св. Діонисія, для управленія кормиломъ Копа — Проказника. Аршистъ, упоенный блаженствомъ, принялъ Августину на руки въ ту самую минушу, когда богатый его экипажъ оспановился въ улицѣ Трехъ — Братъ-

евъ, и понесъ свою возлюбленную въ покои, убранные со всѣмъ великолѣпиемъ роскошнаго Парижа.

Пылъ справши, обуревавшій Генриха, окрышлъ для молодой четы, полетъ цѣлаго почти года, и въ продолженіи сего времени, ни одно облако не омрачило прелестнаго лазурнаго неба, подъ которымъ жили юные любовники. Для нихъ существованіе было безъ бремени, а посему ихъ бракъ казался нещощимымъ источникомъ веселія и благополучія. Исполненная поэзіи и могущественная душа Генриха де Соммервьё, изливала на каждый день неизъяснимое разнообразіе удовольствій, роскошь восхищеній, взоровъ и упоительныхъ рѣчей. Онъ умѣлъ разнообразить пылкость своихъ ощущеній, какою — по нѣжною помощью въ тѣ мгновенія отдыха, когда душа споль высоко паритъ въ воспор-

гахъ, что можно подумать, будто бы она оплодилась опъ шѣлесныхъ узъ.

Спыдливая и блаженная Августина жила въ небесахъ. Неспособная къ размышленію, она думала, что совершенно предавшись невинной и святой любви супружеской, она еще не вполнѣ вознаградила своего Генриха. Скромная и опкровенная, она не вѣдала ни кокетства опказовъ, ни власти, которую молодая свѣпская женщина умѣетъ снискаеть надъ мужемъ хипрымъ своеправіемъ. Она такъ любила, что не разсуждала о будущемъ. Она не воображала, что споль блаженная жизнь можетъ миноваться. Она въ то время была единственнымъ предметомъ всѣхъ радостей мужа; она мечтала, что сія неизчерпаемая любовь всегда будетъ привлекательнѣйшимъ ея украшеніемъ, подобно тому, какъ ея самоопверженіе и покорность бу-

душѣ служили неразрывными узами. Наконецъ, блаженство любви содѣлало ее столь блестящею, что ея прелести возбудили въ ней гордость, и родили внутреннее сознание вѣчно сохранить власть надъ мужчиною, столь легко воспламеняемымъ, какъ Генрихъ де Соммервьё.

И такъ, замужство содѣлало ее опытною только въ любви. Въ недрахъ счастья, она пребыла пою же необразованною дѣвушкою, каковою она проводила уединенные дни въ улицѣ Св. Діонисія. Она и не имѣла въ виду перенять свѣтское обхожденіе, приобрести познанія, и привыкнуться къ условіямъ того круга, въ которомъ ей предсposable жизнь. Такъ какъ слова ея были словами любви, то хотя въ ней и проявлялась нѣкоторая гибкость ума и понюкость въ выраженіяхъ, но всякая женщина, проникну-

шая спраспїю, содѣлавшеюся по видимому ея спїхїею, обьясненїемъ такимъ же точно образомъ.

Если случайно, Августина выражала мысль, противорѣчущую понятїямъ Генриха, то молодой архїепїскъ улыбался ей, подобно тому, какъ улыбаемся первымъ ошибкамъ иносїраца противъ правилъ языка, которыя однакоже, спѣ часпаго повноренїя, наконецъ надоѣдаюпъ.

Впрочемъ, по испеченїи перваго года, прелестъ коего можетъ сравняпъся съ быспрымъ полетомъ онаго, Генрихъ почувспвовавъ необходимость припяться за свои привычныя занятїя. Жена его была беременна. Онъ свдѣлся опяпъ съ своими прїятелями. Въ продолженїи неусыпныхъ заботъ того времени, когда впервые, молодая мать кормипъ грудью своего младенца, онъ, правда, занимался съ рвенїемъ, но пѣмъ

не менѣе иногда искалъ разсѣянiя въ большомъ свѣтѣ. Домъ, который онъ посѣщаль охотнѣе другихъ, былъ домъ Дюшессы Кариглиано, успѣвшей наконецъ привлечь въ свое общество знаменитаго артиста. Когда Августина выздоровѣла, и сынъ ея не требоваль уже тѣхъ постоянныхъ попеченiй, которые воспрещаютъ матери участвовать въ свѣтскихъ удовольствiяхъ, Генрихъ начиналь желать насладиться тѣмъ щеславiемъ, которое ощущаемъ, когда являемся въ общество съ прелесною женою, предметомъ зависти и удивленiя, обладаемомъ нами.

Посѣщать госпинныя, отражая блескъ заимствованный отъ славы ея мужа; видѣть, что всѣ женщины завидуютъ ей, было для Августины новою жатвою удовольствiй; но за то, наслаждение сіе было для нея послѣд-

нимъ отблескомъ счастія супружеской жизни. И дѣйствительно, она нерѣдко оскорбляла самолюбіе мужа, когда, несмотря на всѣ усилія, въ рѣчахъ ея проявлялось невѣжесливо, простой образъ выраженія и ограниченность ея понятій.

Характеръ Генриха де Соммервьё, укрощаемый въ продолженіи двухъ лѣтъ съ половиною первыми порывами любви, воспріялъ прежнее свое теченіе и привычки, забытыя на время, когда освоился онъ съ обладаніемъ предмета своей горячности. Поэзія, живопись и изящныя наслажденія воображенія, имѣющъ, надъ умами возвышенными, права неизмѣнныя. Сіи требованія могущественной души не остались чуждыми Генриху въ продолженіи сихъ двухъ лѣтъ, но они нашли для себя новую пищу. Когда же поприще любви было пройдено;

когда поэтъ, подобно дѣшамъ, нарвалъ розъ и васпльковъ съ такою жадноспію, что даже не замѣпилъ ихъ излишняго изобилія, тогда зрѣлище перемѣнилось. Если живописецъ показывалъ своей женѣ эскизъ какого нибудь изъ изящнѣйшихъ своихъ произведеній, то слышалъ отъ нея восклицаніе, подобное тѣмъ, которыя вырывались у ея отца:

— Это очень красиво!

Безусловное удивленіе безъ жару, изъясняемое ею своему мужу, не происходило отъ внутренняго сознанія: по было удивленіе просто *на слово любви*. Она предпочитала одинъ его взоръ прекраснѣйшей картинѣ; ей вѣдомо было одно только изящное — изящное сердца. Однимъ словомъ, Генрихъ не могъ не познать очевидную, жестокою испину: Августина была нечувствительна къ поэзіи. Она не обитала въ его

сферъ. Она не слѣдила его въ области фантазіи, въ его импровизаціяхъ, въ его радостяхъ, въ его печаляхъ. Она не отдѣлялась отъ міра вещественнаго. Умы обыкновенные не могутъ постигнуть въ полной мѣрѣ возрастающихъ мученій того существа, которое, будучи соединено съ другимъ, чувствованіемъ тѣснѣйшимъ изъ всѣхъ, принуждено непрестанно подавлять самыя оправдныя изліянія своихъ мечтаній, и ничтожить представленія, которыя заставляють его шворить какая-то волшебная сила. Для него подобная пытка тѣмъ мучительнѣе, что чувство, питаемое имъ къ его товарищу, первымъ своимъ закономъ поставляетъ жизнь съ нимъ сердце къ сердцу, ничего не знаетъ другъ отъ друга, и, главное, сливаетъ свои души и мечтанія воедино. Никогда ослушаніе велѣніямъ природы не остается

безнаказаннымъ : она неумолпа, какъ необходимость.

Генрихъ уединился въ тишинѣ и безмолвіи своей масперской, льстя себя надеждою, что привычка жить съ артистами образуетъ его жену, и разовьетъ въ ней сѣмена заглохшія, врожденныя, по мнѣнію умовъ возвышенныхъ, въ каждомъ человѣкѣ. Но Августина была такъ благочестива, что не могла не ужаснуться образомъ мыслей артистовъ. Въ первый обѣдъ, данный ей мужемъ, одинъ молодой живописецъ, въ ея присутствіи, сказалъ съ такимъ безпечнымъ легкомысліемъ, что она въ немъ даже и не подозрѣвала онаго, хотя шутка, сказанная въ такомъ расположеніи духа, дѣйствительно не предполагаетъ никакого невѣрія:

— Но, сударыня, вашъ рай не прекраснѣе Преображенія Рафаэлевѣ.

Однакожь я уже пресытился, смотря на эту каршину.

И такъ, Августина являлась посреди сего блестящаго общесства съ духомъ недоувѣрчивости, который не ускользнулъ отъ окружающихъ ее. Она была лишнею. Ариисты, чувствующіе себя связанными, бывають неумолимы: они или бѣгутъ, или сыплють насмѣшки. Госпожа Гильомъ, кромѣ другихъ слабостей, имѣла еще и ту, что слишкомъ возвышала достоинство, которое ей казалось достояніемъ замужней женщины, и Августина, въ семъ отношеніи, раздѣляла, въ нѣкоторой степени, мнѣніе своей мапери. Ея излишняя стыдливость, коей не всегда избѣгають добродѣельныя женщины, подала поводъ къ нѣкоторымъ карандашнымъ эпиграммамъ, коихъ невинныя записки носили на себѣ оппечатоки такого свѣтл-

скаго остроумія, что Генрихъ де Соммервьё не могъ обидиться: даже, если бы сіи эпиграммы были и еще злѣе, по онѣ доставались ему какъ бы на опмѣстку отъ его друзей. И посему-то, непримѣпнымъ образомъ, онѣ ощутили холодность, которая должна была возрастать болѣе и болѣе. Чтобы достигнуть супружескаго счастья, надобно взойти на вершину горы, коей узкій хребенъ возвышается надъ крупымъ и скользкимъ скапомъ: любовь живописца быспро нисходила по сей горѣ.

Генрихъ, увѣренный что его жена неспособна оцѣнить тѣхъ нравспвенныхъ соображеній, которыя въ его мнѣніи, оправдывали спранность его обращенія съ нею, считалъ себя правымъ; равнымъ образомъ, Августина, чувствуя себя совершенно невинною, предалась мрачной и безмолвной гореспи.

Сія тайныя чувствованія просперли между двумя супругами завѣсу, которая должна была, со дня на день, опдѣлять ихъ болѣе и болѣе другъ отъ друга. Хотя мужъ Августины и оказывалъ ей уваженіе, но она не могла не прешасть, видя, что онъ сберегалъ для свѣта всѣ сокровища ума и прелестей, которыя нѣкогда приносилъ, какъ дань, къ ея ногамъ. Она полковала по своему слышанныя ею въ большомъ свѣтѣ оспроумныя рѣчи о непостоянствѣ мужчинъ. Она не укоряла мужа; но самый видъ ея выражалъ упрекъ. Вскорѣ, сія молодая, прекрасная женщина, которая, столь блестящая разѣзжала въ своемъ блестящемъ экипажѣ, которая жила въ сферѣ славы и пышности, бывъ предметомъ зависти столькихъ безпечныхъ людей, неспособныхъ оцѣнить съ точностію нашихъ положеній въ жизни, сдѣлалась

жертвою жестокихъ горестей. Румянецъ началъ увядать на ея лицѣ. Она стала размышлять, сравнивать, и злополучіе развернуло передъ нею первыя сказанія опыта. Мужественно она рѣшилась не выходить изъ круга своихъ обязанностей, питая себя надеждою, что такой великодушный поступокъ, возвратитъ ей, рано или поздно, любовь ея супруга; но она ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ.

Когда Г-нъ Соммервѣ, утомленный работою, выходилъ изъ мастерской, то Августина не поспѣвала скрывать свое рукодѣлье, и живописецъ могъ замѣтить, что его жена починяла свое и домашнее бѣлье, со всею старательностію хорошей хозяйки. Она выдавала съ щедростію и безъ роцота деньги, нужныя на прихотливыя издержки мужа; но, желая сохранить состояніе своего возлюблен-

наго Генриха, она была бережлива въ отношеніи къ себѣ, а равно и нѣкоторыхъ спашей по хозяйству, что совершенно несовмѣстно съ безопасностію артистовъ, которые, достигнувъ конца своего поприща, въ такой степени насладились жизнью, что даже не вопрошаютъ самихъ себя о причинѣ своего разоренія.

Но было бы бесполезно означать всѣ отпѣнки, чрезъ которые блестящій цвѣтъ ихъ *Медоваго Мѣсяца* перешелъ наконецъ къ глубокому мраку. Однажды вечеромъ, юная, прекрасная, печальная Августина, которая уже давно слышала, какъ ея мужъ говорилъ съ восторгомъ объ *Дюшессъ Карigliано*, получила отъ пріятельницы нѣкоторыя *дружескія* объясненія относительно рода его сношеній съ знаменитою красавицею, которая была законодательницею моды и образа обхожденія при Дворѣ.

Августина, имѣя опъ роду двадцать одинъ годъ, бывшая тогда во всемъ блескѣ юности и красоты, увидѣла себя забытою для тридцати-двухъ лѣтней женщины. Чувствуя себя несчастливою посреди свѣта и празднествъ, безлюдныхъ для нея, бѣдная спрадалница не могла понять причину того удивленія и зависти, которыя она возбуждала. Выраженіе ея лица измѣнилось. Нѣжная задумчивость разлила на чертѣхъ онаго крошечность покорности и блѣдность отверженной любви. Черезъ короткое время мушкетеры, изъ числа самыхъ прелекательныхъ, употребили всѣ роды прельщеній, дабы снискать ея расположеніе; но она пребыла, какъ и прежде, уединенною и добродѣтельною.

Нѣсколько словъ пренебреженія, вырвавшихся у ея мужа, привели ее въ сильное отчаяніе. Пагубное мерца-

ніе вдругъ показало ей недосшатки соотношенія, конорые, въ слѣдствіе ея мелочнаго образованія, препятствовали тѣсной связи ея души съ душою Генриха. Она пыпала еще довольно любви, чпобы признанъ его невиннымъ, и осудила себя. Она пролила кровавыя слезы, и убѣдилась, но слишкомъ поздно, чпо бываютъ столь же неравные браки по уму, какъ и по нравамъ и чинамъ. Мечпая о весеннемъ блаженствѣ своего союза, она поспигла всю полнопу минувшаго счастья, и созналась въ самой себѣ, чпо такая обильная жапва любви стоила цѣлой жизни, и не могла быть куплена иначе, какъ только цѣною злосчастія. Впрочемъ, она любила съ такою горячностью, чпо не перяла еще совершенно надежды: посему-то и приняла намѣреніе, имѣя двадцать одинъ годъ отъ роду, образовавъ себя и развитъ свое

воображеніе, дабы оное могло быть достойно того, которому она безмолвно удивлялась.

— Пусть не буду я поэтомъ, думала она, но по крайней мѣрѣ буду понимать поэзію.

Остановившись на семь намѣреній и развѣвъ въ себѣ ту силу воли, ту твердость, которою всѣ женщины обладаютъ когда любятъ, Г-жа де Соммервѣ попыталась перемѣнить свой характеръ, образъ жизни и привычки. Но, пожирая цѣлые томы, занимаясь съ мужественнымъ постоянствомъ, она только успѣла сдѣлаться менѣе чуждою познаній. Остроуміе и пріятность въ разговорахъ бываютъ или дарами природы, или плодами воспитанія, начатаго съ самой колыбели. Она могла цѣнить музыку, восхищаться ею; но не могла пѣть со вкусомъ. Она повяла словесность

и красоты поэзіи; но было уже слишкомъ поздно, чтобы украсить оными свою непокорную память. Она съ удовольствіемъ внимала разговорамъ; но сама, не могла приносить оными блестящей дани. Ея предразсудки дѣйствія пробивались на каждомъ шагу, и препятствовали пылкости мыслей. Однимъ словомъ, въ душу Генриха вкралось противъ нея какое-то предубѣжденіе, и она не могла испривити оное. Арписъ смѣялся надъ тѣми, которые хвалили его жену, и шуточки его были довольно основательны. Онъ въ такой степени возбуждалъ чувство смятенія въ юной, умилительной Августинѣ, что она претепала, когда находилась съ нимъ наединѣ. Смущаемая слишкомъ сильнымъ желаніемъ нравиться супругу, она видѣла, какъ ея умъ и познанія, исчезали въ одномъ только чувствованіи.

Самая вѣрность Августины не понравилась ея невѣрному мужу, который, укоряя ее въ нечувствительности, казался, вызывалъ жену къ просупкамъ. Тщепно Августина силлась оплодиться опъ разсудка, приравившись къ своенравію, зашѣямъ своего мужа, но она не собрала никакихъ плодовъ опъ сихъ пожертвованій. Можетъ быть, они оба пропустили по мгновеніе, когда ихъ души могли понять одна другую. Однажды, сердце слишкомъ чувствительное молодой супруги, было поражено ударомъ, опъ котораго попрясающа такъ сильно узы чувствованій, что можно бы подумать, будпо онъ совершенно разпорглись. Она уединилась. Но вскорѣ, пагубная мысль побудила ее искать утѣшенія и совѣтовъ въ нѣдрахъ своего семейства.

И такъ, однажды упромъ она направила свои шаги къ смѣшному фасаду скромнаго и безмолвнаго дома, гдѣ пропекла ея молодость. Она вздохнула посмопрѣвъ на окно, откуда нѣкогда, она послала первый поцѣлуй тому, который нынѣ изливаль на ея жизнь сполько славы и злополучія. Ничто не измѣнилось въ старомъ вмѣстѣнщѣ, развѣ только духъ суконной коммерціи, который нѣсколько помолодѣлъ. Виргинія занимала у древней конпорки мѣсто своей маперн. Печальной Августинѣ попался на встрѣчу ея шуринъ, имѣвшій за ухомъ перо. Онъ едва выслушалъ свою свояченицу, ибо, повидимому, былъ чрезвычайно занятъ *сводомъ счетовъ*, котораго ужасные сигналы непрерывно мелькали вокругъ него: посему-то, онъ и оставилъ Августину, извиняясь передъ нею недосугомъ.

Виргинія приняла свою сестру довольно холодно, и съ нѣкоторымъ выраженіемъ досады. И въ самомъ дѣлѣ, казалось, что Августина, пышно одѣтая, и пріѣхавшая въ красивомъ экипажѣ, мимоѣздомъ навѣспила свою сестру. Жена смѣшливаго Леба уже думала, что первоначальною причиною такового ранняго посѣщенія были деньги, а посему она и пыталась показать въ своихъ рѣчахъ какую-то осмотришельность, которая, не разъ, заставила Августину улыбнуться. Сія послѣдняя увидѣла, что мать ихъ Г-жа Гильомъ, за исключеніемъ ушковыхъ ченца, нашла въ дочерп своей Виргиніи такую наслѣдницу, которая будетъ умѣть поддерживать древнюю славу Коша-Проказника.

Во время завтрака, Августина замѣтила нѣкоторыя перемѣны въ домѣ по хозяйственпой части, и всѣ

онѣ дѣлали честь разсудительности Иосифа Леба. Конпорщики не вспали изъ за стола, когда подали десертъ, и имъ предоспавлено было право говорить. Изобиліе за столомъ показывало достапокъ безъ роскоши. Молодая свѣтская супруга замѣтила билеты на ложу въ *Театръ Французскій* и *Комическую-Оперу*, гдѣ она изрѣдка видала свою сестру. На Г-жѣ Леба была кашемировая шаль, великолѣпность которой свидѣтельствовала о щедрости и о заботливости ея мужа. Однимъ словомъ, сія чепа шла на ряду съ вѣкомъ. Августина вскорѣ была приведена въ умиленіе, бывъ свидѣтельницею въ продолженіи бѣльшей части дня, того тихаго счастья, правда не воспорженнаго, но за то чуждаго бурь, которымъ наслаждались сіи супруги, повидимому, одинъ для другого рожденные. Они согласились при-

нять на себя жизнь, какъ бы коммерческое предпріятіе, въ которомъ, прежде всего, слѣдуетъ показать себя съ хорошей стороны. Виргинія, не найдя въ своемъ мужѣ пылкой любви, приложила стараніе возродить въ немъ оную; и какъ скоро она снискала уваженіе и привязанность Іосифа Леба, то время развитія взаимнаго ихъ счастья, было порукою поспопачивства онаго. И, когда бѣдная Августина, повѣряя свои горести, открыла положеніе въ которомъ она находилась, то принуждена была выслушать шьму тѣхъ общеупотребительныхъ утѣшеній, которыя сестра ея почерпнула изъ нравственныхъ правилъ улицы Св. Діонисія.

— Ну, жена, что сдѣлано по сдѣлано, сказалъ Іосифъ Леба; теперь надобно подумать какъ бы пособить горю нашей сестры.

При сихъ словахъ искусный не-гоціантъ разобралъ довольно не запѣйливо всѣ средства, могущія благопріиспѣвовать ея положенію; сдѣлалъ, пакъ сказать рееспръ своимъ соображеніямъ; раздѣлилъ ихъ, смотря по уважительности оныхъ, на нѣкотораго рода разряды, какъ бы дѣло шло о товарахъ различныхъ добротъ; потомъ взвѣсилъ ихъ, сообразилъ, и заключилъ шѣмъ, что раскрылъ необходимость, въ которой находилась его свояченица принять такое рѣшеніе, которое не было удовлетворительно для влюбленной Августины.

Глубокое чувство, питаемое ею къ супругу, пробудилось въ ней, когда Іосифъ Леба предложилъ ей насильственное средство. Она поблагодарила своихъ родственниковъ, и возвратилась домой въ бѣльшей еще нерѣ-

шимости, чѣмъ до совѣщанія съ ними.

Тогда рѣшилась побывать въ древнемъ домѣ улицы *Colombier*, съ намѣреніемъ опкрыть свои несчастія родителемъ. Бѣдненькая Августина походила на шѣхъ больныхъ, которые находясь въ опчаянномъ положеніи, готовы употребить всѣ возможныя лѣкарства, и прибѣгаютъ даже къ зеліямъ спарушекъ. Старикъ встрѣтилъ ее съ такимъ искреннимъ радушіемъ, что она пришла въ умиленіе. Правда и то, что посѣщеніе сіе было для нихъ развлеченіемъ, а всякое развлеченіе было для нихъ находкою. И въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіи чепырехъ лѣтъ они проходили поприще жизни, подобно мореходцамъ, блуждающимъ безъ цѣли и компаса. Сидя у камна, они вспоминали о бѣдствіяхъ, происшедшихъ отъ

закона *Maximit* *); о бывалой закупкѣ суконь; о пѣхъ средспвахъ, коими они опклоняли опъ себя вліяніе банкротствъ, и въ особенності о знаменитой несосполтельности Лекока, которая была Маренгскимъ сраженіемъ Г. Гильома. Когда же испощали всю старину, то дѣлали перечень своихъ прежнихъ изобильнѣйшихъ ипгоговъ, и рассказывали другъ другу бывалыя приключенія въ часпи Св. Діонисія.

Въ два часа, Г. Гильомъ отпра-влялся пѣшкомъ, чтобы взглянуть на заведеніе Копа-Проказника. На возвращномъ пути онъ останавливался передъ каждою лавкою, копорья нѣкогда соперничествовали съ нимъ, и коихъ молодые хозяева все еще пиша-

*) *Maximit* — названіе самой высокой паксы ка-кимъ нибудь принасамъ или товарамъ, копорая была усшановлена закономъ. — Ир. Переводч.

ли щепную надежду завлечь спараго негоціанта въ какое нибудь смѣлое предпріятіе, опъ котораго онъ, по давней привычкѣ, никогда не опказы- вался положительнымъ образомъ.

Двѣ добрыя Нормандскія лошади едва не задыхались опъ тучности въ конюшнѣ; ибо Г-жа Гильомъ упопре- бляла ихъ только по воскресеньямъ, когда ѣздила къ поздней обѣднѣ въ приходскую церковь. Три раза въ не- дѣлю былъ опкрытый споль у сей достопочтенной чепы, по тому об- стоятельству, что старый Г. Гиль- омъ, по вліянію своего зятя, былъ на- значенъ членомъ комитета по части обмундированія арміи; посему-то Г-жа Гильомъ и приняла намѣреніе жить довольно опкрыто. Покои были до ша- кой степени завалены золотыми и се- ребренными украшеніями, мебелью, хо- тя и простомодною, но шѣмъ не ме-

вая передъ ними, новыя пріятности своего ума, кокетство нѣжностей, открытое ей любовью, она склонилась къ выслушанью съ благосклонностію ея супружественныя огорченія. Старикъ имѣютъ большую слабость къ тайнамъ такого рода, и Г-жа Гильомъ, въ особенності, желала знать малѣйшія подробности о сей странной жизни, которая для нея содержала въ себѣ нѣчто баснословное. Путешествія Барона Ла-Гонпанъ, которыхъ она начинала нѣсколько разъ и никогда не дочитывала, не представляли ей ничего болѣе чудеснаго о дикаряхъ Канады.

— Какъ! дитя мое, твой мужъ зазирается съ нагими женщинами, и ты такъ легковѣрна, что думаешь будто для того, чтобы рисовать съ нихъ!

При сихъ словахъ , старушка положила на подушечку свои очки , оправила юбку , и , сложивъ руки , опустила ихъ на колѣни , возвышенныя нагрѣвальнойникомъ , любимымъ ея пьедесталомъ .

— Но , мапушка , всѣ живописцы должны имѣть модели .

— Онъ , небось , не говорилъ намъ обо всемъ этомъ , когда сватался за тебя! Еслибы я это знала , то не выдала бы моей дочери за человѣка , который занимается такимъ ремесломъ Религія запрещаетъ такіе безпорядки ; они противны нравственности . — А въ какомъ бѣшь часу онъ возвращается домой ?

— Въ часъ , въ два , какъ случилось

При сихъ словахъ мужъ и жена посмотрѣли другъ на друга съ крайнимъ удивленіемъ .

— И такъ, онъ играетъ въ карты, сказалъ Г. Гильомъ; ибо, въ мое время, одни только игроки возвращались домой такъ поздно.

Августина, выраженіемъ лица, отвергла сіе обвиненіе.

— И чай, поджидая его, ты проводишь смертельные ночи, возразила Г-жа Гильомъ; но нѣтъ, ты ложишься спать, неправда ли, и когда онъ проигрываетъ, то будишь тебя?

— Нѣтъ, мамушка, онъ напротивъ того бывастъ иногда очень веселъ. Довольно часто даже, въ ясную погоду, онъ предлагаетъ мнѣ вспать, и иппи съ нимъ для прогулки въ лѣсъ

— Въ лѣсъ? Въ такую пору! Будто у тебя ужъ такіе малые покои, что ему мало своей комнаты, своихъ гостиныхъ, и надобно бѣгать для нѣтъ! злодѣй

предлагаетъ тебѣ прогулки для того, чтобы ты прослужилась! Онъ хочетъ уходить себя И впрямь, слыханное ли дѣло, чтобы человекъ приспособенный, обезпеченный родомъ своихъ занятій, прядаль подобно какому нибудь лѣшему!

— Но, мамушка, развѣ вы не знаете, что для развитія таланта, ему необходимы воспорги. Онъ даже очень любитъ такія сцены, которыя

— Вошь я ему надѣлаю сценъ, славныхъ! вскричала Г-жа Гильомъ. Какъ ты можешь быть стольнисходительна къ такому человеку? Ужь первое, я не люблю въ немъ того, что онъ пьетъ одну воду, и не жалуешь видѣть, какъ женщины ѣдятъ. Что за припча? Да онъ сумазбродъ. Все, что ты намъ рассказала объ немъ, чисто невозможно. Ну, возможно ли

чтобы ктонибудь оставил свой домъ не заикнувшись, и возвратился черезъ десять дней. Онъ увѣряешь себя, что ѣздилъ въ Діеппу снять море Развѣ снимають море? Онъ тебѣ вретъ такія прісказки, что спѣя уснешь.

Августина хотѣла оправдать своего супруга, но Г-жа Гильомъ положила на нее молчаніе движеніемъ руки, которому она повиновалась по старой привычкѣ, и мать ея воскликнула съ досадою:

— Будешь! не говори мнѣ болѣе объ немъ! Онъ вѣрно и ногою не былъ въ церкви, какъ только для свиданія съ тобою, и еще въ день сваньбы: а люди безъ вѣры способны ко всему. Осмѣлился ли Г. Гильомъ когда либо скрыть отъ меня чтонибудь пропадаешь дня по три, и не вымолвишь попомъ даже *уфъ*, а лепетаешь какъ кривая сорока, подобно своему мужу!

— Любезная мапушка, вы слишком спрого судите о людяхъ возвышенныхъ: еслибы идеи ихъ сходствовали съ понятіями людей обыкновенныхъ, то они не были бы одарены талантами.

— Такъ пусть же люди съ талантами живутъ про себя, а не желятся! Какъ! человекъ съ талантомъ сдѣлаетъ свою жену несчастною, и потому что у него есть талантъ, это будетъ превосходно! Талантъ, талантъ! Не великъ талантъ нуженъ, чтобы подобно ему, каждую минушу полковать о бѣломъ и черномъ; перебивать рѣчи другихъ; барабанить дома такъ, что и не знаешь копорой ногой подплясывать; заставляя жену ждать, пока *его милость* будетъ въ веселомъ расположеніи духа, чтобы повеселился, и претовашь

чтобы она была печальна, когда онъ самъ печалень

— Но, мапушка, симъ-то воображеніямъ и свойственно

— Это что за воображенія!..... воскликнула Г-жа Гильомъ перебивая свою дочь. У него же они, просни Господи, куды какъ хороши. Чтò за человѣкъ, которому вдругъ впадетъ на умъ, не посовѣтовавшись съ докторомъ, ѣсть одну огородную зелень; пусть бы еще онъ это дѣлалъ изъ благочестія; а у него сколько же религіи, сколько у Гугенота. Видано ли это, чтобы человѣкъ любилъ, подобно ему, лошадей болѣе нежели своего ближняго; причесывалъ себѣ волосы какъ какой нибудь язычникъ; укладывалъ шапку, покрывая ихъ кисеею; заиралъ днемъ спавши, чтобы работать при лампахъ! Право, по моему, еслибы онъ не былъ такъ без-

нравственъ, то очень бы стоило что бы его запереть въ домъ ума-лишенныхъ. Посовѣшуйся-ка съ Г. Шарбоно, викаріемъ церкви Св. Сульпиція, и спроси-ка у него, что онъ обо всемъ эпомъ думаетъ? Онъ тебѣ скажетъ, что мужъ твой ведетъ себя не по-Христіански

— О, мапущка! можетъ ли вы это думать?

— Очень могу, и даже увѣрена въ томъ! Ты эпаго ничего не замѣчаешь, потому что любишь его. А я помню, что встрѣшила его въ Елисейскихъ поляхъ какъ-то вскорѣ послѣ свашьбы. Онъ былъ верхомъ. И чтоже? онъ, то скакалъ сломя голову, то вдругъ останавливалъ лошадь, и ѣхалъ шагомъ; увѣряю тебѣ, что я тогда же подумала: Вотъ человекъ, у котораго нѣтъ ни капли разсудка.

— Ну, вскричалъ Г-нъ Гильомъ

попирая руки, какъ же хорошо я сдѣлалъ, что, выдавая себя замужъ, отдѣлилъ свое имѣніе отъ имѣнія эпаго чудака.

Когда же Августина опкровенно рассказала предосудительные поступки своего мужа, оба спарика пребыли безмолвными отъ негодованія. Г-жа Гильомъ немедленно заговорила объ разводѣ. При сей мысли, безмолствовавшій негоціантъ былъ какъ-бы пробужденъ.

Подспрекаемый любовію къ дочери и мыслию о той дѣятельности, которою тяжба могла распворить его жизнь однообразную и безъ занятій, Г-нъ Гильомъ вступился самъ въ это дѣло. Онъ настаивалъ на счетъ требованія развода, почти умолялъ дочь согласиться на это, обѣщавъ ей взять на себя хлопоты по сему предмету, всѣ издержки, ѣздить къ судьямъ, при-

сяжнымъ, адвокашамъ, однимъ словомъ подвигнуть небо и землю. Но успрашенная Г-жа де Соммервьё отказалась отъ предлагаемыхъ ей услугъ, и объявила, что она не рѣшилась развестись съ мужемъ даже и въ томъ случаѣ, еслибъ ей предшюло бытъ и въ десять разъ несчастнѣе нежели теперь. Августина не говорила болѣе о своихъ печаляхъ. Она оставила родителей, бывъ прежде отъ нихъ осыпана безмолвными, упѣшительными попеченіями, которыми спарикки надѣялись, но тщетно, утолить ея сердечныя горести; она удалилась увѣрившись сколь бесполезно и даже опасно, предавать суду умовъ слабыхъ человека, одареннаго умомъ возвышеннымъ. Она познала, что женщина должна скрывать, даже отъ родителей, тѣ несчастія, къ которымъ свѣтъ не изъявляетъ никакого сочувствія. Бу-

ри и мученія, свойственныя сферамъ возвышеннымъ, могутъ быть поснпгаемы только благородными душами, тамъ обитающими.

И такъ, бѣдная Августина вступила опять въ хладную анмосферу своей супружеской жизни, предаваясь снова всему ужасу своихъ тяжкихъ думъ. Она не могла болѣе находить опраду въ приобрышеніи познаній, ибо любознаніе не возвратило ей сердца мужа. Она, съ горестнымъ чувствомъ, помышляла о томъ, что посвятила себя въ тайны пламенныхъ душъ, но не обладала, какъ онъ, даромъ шворчества, чтобы разсѣять свою скорбь, а посему, участвовала только въ однихъ печаляхъ оныхъ, не раздѣляя ихъ наслажденій. Она получила отвращеніе отъ свѣта, который казался ей слишкомъ мелочнымъ въ сравненіи съ проявленіями спраспей; однимъ сло-

вомъ, ея жизнь оплилась въ неудачную форму.

Однажды вечеромъ она была поражена мыслию, копорая, подобно небесному лучу, озарила мракъ ея скорби. Такая мечта могла улыбаться полько сердцу непорочному, добродѣтельному какъ сердце Августины. Она рѣшилась ѣхать къ Дюшессѣ Кариглиано не съ тѣмъ, чтобы прѣбовать опъ нея сердца своего мужа, но дабы узнать, какими хитросліями Дюшесса покорила оное; дабы возбудишь въ ней участіе къ матерп дѣтей ея друга; дабы склонить сію надмѣнную свѣпскую женщину сдѣлаться участницею ея будущаго благополучія, какъ досель она была орудіемъ ея несчастія.

И такъ, въ одно утро, заспѣчивая Авгуспина, вооруженная сверхъестественнымъ мужеспвомъ, сѣла въ карету, и опправилась въ два часа по

полудни, въ надеждѣ пробраться до будуара сей знаменитой прелестницы, къ которой ранѣе сего времени, не было никогда доступа.

Г-жа де Соммервьё еще не имѣла понятія о древнихъ великолѣпныхъ палахахъ Сен - Жерменскаго предмѣстья. Вступая въ величественныя преддверія, поднимаясь на грандіозныя лѣстницы, проходя чрезъ огромныя гостинныя украшенныя цвѣтами, вопреки суровости зимы, и убранныя со всемъ вкусомъ, свойственнымъ женщинамъ воспитаннымъ въ нѣгѣ и привычкахъ аристократіи, Августина ощутила въ сердцѣ тоску невыразимую. Она позавидовала тайнамъ роскоши, о которыхъ доселѣ и не составляла себѣ никакого понятія. Она дышала воздухомъ величія, который открылъ ей завѣтную прелестъ сего дома для ея мужа. Когда она вошла въ малые по-

кон Дюшессы, то ощупила въ себѣ ревность и нѣкоторое отчаяніе, смотря съ чувствомъ удивленія на сладострастное расположеніе мебели, занавѣсъ, на богатыя парчи, покрывавшія стѣны. Тупъ, самый безпорядокъ былъ плѣнишелемъ; тупъ роскошь, на каждомъ шагу, казалось, проявлялась съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ богатству; изящныя искусства, простоша, соединялись вездѣ на ряду съ утонченнымъ вкусомъ. Благоуханія, растворявшія сію прохладную атмосферу, льстили обонянію въ надлежащей степени; согласіе стѣпей, разставленныхъ зрѣнію всеми принадлежностями ихъ покоевъ, купно съ видами, отражаемыми зеркальными окнами, которыя были обращены къ лужайкамъ зеленѣющаго сада, очаровывали взоры; всё дышало обольщеніемъ: обдуманное намѣреніе нигдѣ не обнаруживалось

Духъ общапательницы сихъ чертоговъ вполне проявлялся въ убранствѣ той госпоиной, гдѣ дожидалась Августина. Она пыталась разгадать характеръ своей соперницы наблюдая предметы, вездѣ предсипавлявшіеся ея взорамъ; но въ самомъ ихъ разнообразіи и порядкѣ, являлось что-то непроницаемое и совершенно недоступное для просподушной Августины. Изъ всего ею замѣченнаго, она могла только заключить, что Дюшесса, какъ женщина, была женщина необыкновенная. Невольно въ ней родилась горестная мысль.

— Увы! подумала она, ужели сердце и вѣжнолюбящее, и откровенное, не сильно удовлетворить артиста; и для равновѣсія сихъ душъ сильныхъ, ужели необходимо совокупить ихъ съ такими женскими душами, коихъ бы могущество не уступало мужескому. Еслибы я была воспитана

подобно сей сирень, то по крайней мѣрѣ, въ минути боренія, мы бы дѣйствовали равнымъ оружіемъ.

— Но меня нѣтъ дома!

Хотя сіи опривисстыя слова были произнесены въ пол-голоса въ смежномъ будуарѣ, но Августина услышала оныя, и сердце ея задрожало.

— Но эта дама уже шутъ!
возразила горничная.

— Какъ ты глупа, отвѣчала Дюшесса; ну, проси! Голосъ ея смягчился и принялъ выраженіе пріязненной вѣжливости; легко было догадаться, что она желала быть услышанною.

Августина приблизилась съ застенчивостію. Она увидѣла въ прохладномъ будуарѣ Дюшессу, роскошно покоившуюся на оппюманѣ. Сіе сѣдалище, обитое темно-синимъ бархатомъ, находилось въ центрѣ полукружія, образуемаго самыми легкими и

живописно раскинутыми складками кисейного намета. Бронзовые и золотые украшения, расположенные съ употребленнѣйшимъ вкусомъ, возвышали близну сего балдахина, подъ которымъ Дюшесса являлась какъ бы изваяніе древнихъ. Темный цвѣтъ бархата вполне споспѣшествовалъ всѣмъ ея прельщеніямъ. Полу-свѣтъ, поклонникъ ея красоты, болѣе походилъ на ея собственный отблескъ, чѣмъ на дѣйствительный свѣтъ. Рѣдкіе иноземные цвѣты воздымали свои благоухающіе верхи изъ богатѣйшихъ Севрскихъ вазъ.

Въ ту минуту, когда сіе зрѣлище представилось очамъ удивленной Августины, она приближалась такъ тихо, что могла уловить выраженіе взора очаровательницы. Казалось, сей взоръ высказывалъ кому-то, кого сперва жена живописца не замѣтила: — Не уходите, вы сей-часъ увиди-

те очень мпленькую женщину, и своимъ присутствіемъ оживите для меня сіе скучное посѣщеніе.

Когда Августина вошла, по Дюшесса вспала, и посадила ее возлѣ себя на оппومانѣ.

— Чему одолжена я честію вашего посѣщенія, сударыня? сказала она съ пріятною улыбкою.

— Какое коварство! подумала Августина, отвѣчая на прѣспіе однимъ наклоненіемъ головы. Сіе безмолвіе было принужденнымъ; ибо молодая женщина видѣла лишняго свидѣтеля въ сей сценѣ.

Это былъ мущина; и изъ полковниковъ цѣлой арміи онъ былъ всѣхъ моложе, всѣхъ щеголеватѣе и всѣхъ виднѣе. Полу-свѣпская одежда возвышала его пріятную наружность. Его лице, исполненное жизни, молодости и къ тому весьма

выразительное, еще болѣе одушевлялось небольшими, черными какъ смоль, усиками, закрученными вверхъ, пушистой Испанской бородкой, бакенбардами оплочно причесанными и густыми черными волосами, бывшими тогда въ примѣрномъ безпорядкѣ. Онъ игралъ своимъ хлыстикомъ съ такою непринужденностію и ловкостію, которыя оплочно шли къ довольному виду, выражавшемуся на его физиогноміи, и къ особенной изысканности наряда. Ленпы въ пепличкѣ были завязаны съ небрежностію, и онъ, казалось, несравненно болѣе тщеславился своею красивою наружностію, нежели храбростію. Августина взглянула на Дюшессу Карigliано, указывая ей на полковника такимъ взоромъ, котораго просьба была потчасъ понятна.

— И такъ, прощайте, полковникъ, мы увидимся въ Булонскомъ лѣсу.

Сирена произнесла сія слова, къ будшо оныя были слѣдствіемъ договора, сдѣланнаго еще до прибытія Августины. Оныя были сопровождаемы, со стороны Дюшессы, грознымъ взглядомъ, копорый офицеръ можеть бышь заслужилъ удивленіемъ, показываемымъ имъ къ смиренному цвѣшку, составляющему споль разительную противоположность съ надмѣнною красавицею.

Молодой щеголь безмолвно наклонился, повернулся на своихъ каблукахъ, и съ ловкостію оставилъ будуаръ.

Въ сіе мгновение Августина, зорко наблюдая за своею соперницею, такъ сказашъ слѣдившею глазами блестящаго офицера, уловила въ семъ взглядѣ такое чувствованіе, копораго быстрое выраженіе знакомо всѣмъ женщинамъ. Тогда, съ прискорбіемъ въ

душѣ, она поняла что ея посѣщеніе останеся безплоднымъ, и что сіа хитрая Дюшесса такъ дорожила поклонничесвомъ ея обожателей, что долженствовала имѣть каменное сердце.

— Милоспивая государыня, сказала прерывающимся голосомъ Августина, послушокъ мой, безъ сомнѣнія, покажешся вамъ весьма страннымъ; но опчаяніе имѣеть свое безразсудство, и тѣмъ извиняеть себя. Я слишкомъ хорошо понимаю, почему Г-нъ де Соммервьё предпочищаетъ вашъ домъ другимъ, и какимъ образомъ умъ вашъ снискалъ надъ нимъ такую власть!..... Увы! мнѣ спойтъ только вникнуть въ самое себя, чтобы открыть сему причины, болѣе нежели доспапочныя. Но я обожаю моего мужа, сударыня. Два года, протекшіе въ слезахъ, не изгладили его образа изъ моего сердца,

хотя его сердце для меня уже упрачено. Въ моемъ безуміи, я-было возмечпала проппивоборспвовапъ вамъ, и теперь обращаюсь къ вамъ же съ просьбою, чпобы вы опкрыли мнѣ, какими средствами я могу воспоржеспвовапъ надъ вами самими.

Ахъ сударыня! вскричала молодая женщина, схвативъ съ живоспію руку своей соперницы, которая не проппивилась сему движенію, я никогда не буду молишь Бога съ такимъ жаромъ о собственномъ моемъ счаспіи, какъ о вашемъ, если вы поможете мнѣ возвраппшь, не скажу любовь, но дружбу Г-на де Соммервьё. На васъ однѣхъ могу полагапъ надежду. Ахъ! скажите мнѣ, чѣмъ вы прельспили его, и чѣмъ заспавили его позабышь о первыхъ дняхъ нашей

Тяжкія всхлппыванія не позволмл Августинѣ окончипъ. Спыдась сво-

ей слабости, она закрыла милое свое лицо платкомъ, который омочился ея слезами.

— Ну не ребенокъ ли вы, мой милый ангель! сказала Дюшесса, которая, бывъ увлечена новизною подобной сцены и невольно пропуща почтеніемъ оказываемымъ ей женщиною, служившею можетъ быть образцемъ добродѣтели въ Парижѣ, взяла платокъ изъ рукъ Г-жи де Соммервѣ, и сама начала опираться ея слезы, упирая ея опривисными словами, произносимыми съ какимъ-то пріятнымъ соболѣзнованіемъ.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, прелестница, взявъ пригожія ручки бѣдной Августины въ свои, оплывавшіяся благородною красою и полною формъ, сказала ей голосомъ тихимъ и пріятнымъ:

— Прежде всего, душенька, я по-

совѣтую вамъ никогда не плакать, какъ пеперь, потому что слезы обезображиваютъ насъ. Надобно умѣть переносить печали. Опъ нихъ утрачиваемъ здоровье, а любовь не живетъ долго на болезненномъ ложѣ. Правда, что томная задумчивость придаетъ въ началѣ какую-то прелесть, которая вообще нравится мужчинамъ; но подъ конецъ лице, самое восхищительное искажается и увядаетъ опъ оной. Къ помужь, наши мучители такъ самолюбивы, что непременно пребудутъ, чтобы ихъ рабыни были веселы.

— Ахъ! милоспивая государыня, не опъ меня зависить не чувствовать! И можно-ли, не ощущая тысячи смертей, видѣть помрачившимся, увядшимъ, равнодушнымъ по лице, которое нѣкогда блистало любовью и радостію?..... Ахъ! я не умѣю повелѣвать моимъ сердцемъ.

— Тѣмъ хуже, душенька; но я уже почти угадываю причину вашихъ огорченій. Прежде всего увѣрьтесь, ангель мой, что если супругъ вашъ сдѣлался невѣренъ вамъ, то я въ томъ нисколько не участвовала. Если я старалась привлечь его въ мое общество, то, признаюсь, единственно изъ самолюбія: онъ былъ въ славѣ, и не посѣщаль госпиныхъ. Я уже такъ полюбила васъ, ангель мой, что не буду говорить о всѣхъ безразсудныхъ поступкахъ, которые онъ предпринималъ ради меня. Я открою вамъ только одинъ, потому что оный послужитъ намъ, можетъ быть, для того, чтобы наказатъ его за дерзкое обращеніе со мною. Онъ пѣмъ кончитъ, что буду говорить обо мнѣ съ невыгодной стороны. Мнѣ свѣтъ такъ знакомъ, милая, что я никогда не рѣшусь предаться чловѣку съ умомъ

возвышеннымъ: знайте, что женщина можетъ принимать его угожденія, но выйди за него! будетъ ошибка. Мы, женщины, должны изъявлять удивленіе геніальному человѣку, наслаждайся его присутствіемъ, какъ наслаждаемся какимъ нибудь зрѣлищемъ; но чтобы жить съ нимъ? никогда! Нѣтъ, нѣтъ, это все равно, что находишь удовольствіе, смотря на оперныя машины, вмѣсто того, чтобы предаваться упоенію блестящихъ мечтаній, оспаваясь въ ложѣ. Но что касается до васъ, душенька, то васъ уже постигло бѣдствіе, не правда ли? И такъ надобно испытать вооружиться противъ тиранства вашего мужа.

— Ахъ, сударыня! еще передъ тѣмъ, какъ я вошла въ сіе небольшое святилище, и увидѣла васъ, я уже у-

знала нѣкоторыя хипросии, о которыхъ досель и не подозрѣвала.

— Такъ пріѣзжайте иногда ко мнѣ, и вы скоро будете посвящены въ науку о сихъ бездѣлушкахъ, довольно впрочемъ важныхъ; ибо внѣшніе предметы, для глупцовъ, составляютъ цѣлую половину жизни; и найдется не одинъ человѣкъ, одаренный талантами, который, несмотря на всеобъемлемость своего ума, все-таки глупецъ. Но я гопова ударюсь объ закладъ, что вы никогда, и ни въ чемъ, не отказывали Генриху.

— Есть ли возможность, милоспивая государыня, отказаться въ чемъ нибудь тому, кого любимъ !

— О, моя глупашечка! я буду васъ обожать! Но знайте, что чѣмъ сильнѣе наша любовь, тѣмъ менѣе мы должны обнаруживать предъ мужчиною, напаче же предъ мужемъ,

всю полноту нашей спрасни; ибо пошъ, который любитъ съ бѣльшею горячностію, подвергается пиранспву, и что всего хуже, онъ же, рано или поздно, будетъ оставленъ. Тотъ, кто желаетъ владычествовать, долженъ.....

— Какъ, сударыня, неужели должно будетъ припворствовать, сдѣлашься расчепливою, обманывать, облечь себя искусственнымъ характеромъ, и на всегда? О, можно-ли жить подобнымъ образомъ? И можете-ли вы.

Она остановилась недоумѣвая, а Дюшесса улыбнулась.

— Милая моя, возразила знатная дама голосомъ важнымъ, супружеское счастье всегда было спекуляціею. Такое дѣло пребууетъ особеннаго вниманія. Если вы будете продолжашъ говорить о спрасни, тогда какъ я вамъ

говорю о супружествѣ, но мы скоро совершенно не будемъ понимать другъ друга.

Выслушайте меня, продолжала она голосомъ, выражавшимъ намѣреніе говорить съ нею откровенно. Я имѣла случай видѣть нѣкоторыхъ великихъ людей нашего времени. Я замѣтила, что тѣ изъ нихъ, кои женились, за исключеніемъ весьма немногихъ, избрали женщинъ ничтожныхъ. И что же? Эли-то женщины управляли ими, какъ Наполеонъ управлялъ нами, и были если не любимы, то по крайней мѣрѣ уважаемы своими супругами. Я такъ приспрасна къ тайнамъ, въ особенности къ тѣмъ, которыя касаются до насъ, что съ особеннымъ тщаніемъ старалась разгадать сію загадку. Вотъ слѣдствія моихъ наблюдений, ангель мой: сіи *простенькія* женщины имѣли даръ достигнуть ха-

рактерьъ своихъ мужей, не устраша-
ясь, подобно вамъ, ихъ превосход-
ствомъ. Онъ искусно умѣли замѣшпшь,
какихъ качествъ были лишены ихъ су-
пруги; и, обладая сими качествами
дѣйствительно, или только показывая
видъ что одарены оными, онъ нахо-
дилъ средство придать имъ въ глазахъ
своихъ мужей такую цѣну, что на-
конецъ успѣвали снискасть надъ ними
власть. Въ заключеніе всего, я вамъ
открою еще, что всѣ сіи умы, кото-
рые кажутся споль возвышенными,
всегда имѣютъ какую нибудь слабую
спорону, которою мы должны умѣть
воспользоваться. Помомъ, принявъ
твердое намѣреніе владычествовать
надъ ними, не уклоняясь никогда отъ
сей цѣли, согласуя съ оною всѣ наши
поступки, мысли, прельщенія, мы у-
правляемъ сими своенравными въ вы-
сочайшей степени умами, кои, непо-

стойнымъ направлѣніемъ своихъ мыслей, даюшь намъ возможность имѣть на нихъ сильное вліяніе.

— Боже мой! вскричала съ ужасомъ молодая женщина, и это называютъ жизнію! Это борьба

— Въ которой непрерывно надобно угрожать, съ улыбкою прервала Дюшесса. Вся наша власъ искусвенна. И посему-то, никогда не должно позволять мужчинѣ презирать насъ; ибо, въ пропивномъ случаѣ, мы пропали. Пойдемте, прибавила она, я вамъ покажу средство оковать вашего мужа.

Она вспала, и, улыбаясь, повела юную, невинную ученицу въ супружесвенныхъ хипросняхъ, по запутаннымъ переходамъ своего маленькаго дворца. Онѣ вскорѣ очутились у потайной лѣсницы, которая вела въ пріемные покои. Подавивъ завѣшную

пружину, Дюшесса остановилась; и, смотря на Августину съ неподражаемымъ видомъ понукости и граціи, сказала ей:

— Вошь, видите-ли, Дюкъ Каригліано меня обожаешь Однакоже не смѣешь приходишь сюда безъ моего позволенія; а онъ такой человекъ, который привыкъ повелѣвать надъ тысячами солдатъ! Онъ неустрашимъ передъ бапареями, но только не передъ эпою сказала она, приложивъ два пальца правой руки на сверкающіе свои глаза.

Августина вздохнула.

Потомъ онъ вошли въ великолѣпную галерею, и Дюшесса подвела жену живописца къ портрету дѣвицы Гильомъ, снятому нѣкогда Генрихомъ.

При семъ видѣ Августина испустила крикъ.

— Такъ, сказала она пришедъ въ память, я знала что портретъ былъ уже не у меня, но здѣсь!

— Я потребовала оный, моя милая, только для того, чтобы видѣшь до какой степени можетъ просни-
рашься безразсудство чловѣка, одареннаго гениемъ. Рано или поздно, я возвратила бы вамъ оный; но я ожидала удовольствія видѣшь здѣсь оригиналь передъ копіей. Я хочу, чтобы во время завтрака, ибо пора кончить намъ нашу бесѣду, мой секретарь велѣлъ опнести портретъ въ вашу карету; и если вы, вооруженныя симъ палпсманомъ, не будете властвовать надъ вашимъ мужемъ спо лѣшь.
то вы не женщина, и заслужили вашу участь.

Г-жа де Сомервьё поцѣловала руку Дюшессы, которая заключила въ свои объятія юную, невинную Авгу-

спину, прижала ее къ своему сердцу и поцѣловала съ нѣжностію, тѣмъ болѣе радушною и живою, что она на другой день должна была бытъ забытою.

Сія сцена разрушила бы, можетъ бытъ навсегда, скромность и непорочность женщины, менѣе добродѣтельной, нежели Августина. Тайны, открытыя Дюшессою были столь же назидательны, сколь и пагубны. Хищная полишка высшаго круга общества такъ же мало приличесвовала Августинѣ, какъ и ограниченныя понятія Іосифа Леба, или припорная мораль Г-жи Гильомъ. Странное дѣйствіе превратнаго направленія, получаемого нами отъ малѣйшихъ необдуманностей, учиненныхъ въ нашей жизни! Августина походила тогда на пастыря Альпійскихъ горъ, заспаннаго снѣжнымъ обваломъ: если онъ

придесть въ недоумѣніе , и вздумаетъ
внимать совѣщанья своихъ товарищей,
по чаще всего погибаетъ. Въ такихъ
рѣшиительныхъ переломахъ , по пре-
красному выраженію одного философа,
необходимо *чтобы сердце сокруши-*
лось, или окаменѣло.

Г-жа де Соммервьё возвратилась
домой въ непзъяснимомъ волненіи. Раз-
говоръ , который она имѣла съ Дю-
шессою Каригліано , возбудилъ въ ея
умѣ тысячу мыслей , прошивурѣча-
щихъ одна другой. Она была, подобно
баранамъ въ баснѣ , исполнена муже-
ства, когда не было волка. Она про-
износила рѣчи къ самой себѣ , и со-
ставляла дивные планы будущаго сво-
его супружественнаго быта; она при-
думывала тысячу хитростей прель-
щенія; она даже обращала рѣчь къ
своему мужу , находя въ отсутствіи
его всѣ средства неподдѣльнаго кра-

спорѣчія, свойственнаго женщинамъ; потомъ, вспомнивъ о неподвижномъ, свѣтломъ взорѣ Генриха, она заранѣе пререпакала.

Когда она спросила, у себя ли Г-нъ де Сомервьё, то голосъ ей почти измѣнилъ; и, узнавъ что онъ не будетъ обѣдать дома, она ощутила въ себѣ порывъ неизъяснимой радости. Подобно приговоренному къ смертной казни, прибѣгающему къ верховному суду, малѣйшая опсрочка казалась ей цѣлою жизнію.

Она поставила портретъ въ своей комнатѣ, и въ ожиданіи своего мужа, предавалась мученіямъ надежды и опасенія. Она предчувствовала, что такое покушеніе должно было рѣшить всю будущую судьбу ея, и по сему дрожала при шумѣ каждой приближавшейся кареты, при размахахъ маятника спѣнныхъ часовъ, которые,

казалось, усугубляли ея ужась, пзмѣря оный.

Она пыталась замедлить ходъ времени разными запѣями. Ей пришло на мысль нарядиться почно такъ, какъ она была представлена на портретѣ. Зная безпокойный характеръ Г-на де Соммервьё, она велѣла освѣпить свои покои, ярче обыкновеннаго, будучи увѣрена, что любопытство подстрекнетъ его по возвращеніи зайти къ ней.

Пробило полночь, когда, при крикѣ жокея, отворились ворота дома, и карета живописца вѣхала съ шумомъ на безмолвный дворъ.

— Что это за иллюминація? веселымъ голосомъ спросилъ Генрихъ, входя въ комнату своей жены. Воспользовавшись столь благопріятною минутою, Августина бросилась на

шею къ своему мужу, и указала ему на портретъ.

Арпястъ пребылъ неподвиженъ какъ утѣсь. Взоры его попеременно обращались на Августину и на обвиняющій холстъ. Робкая супруга, полумертвая, улавляла движенія быспроизмѣняющагося чела, ужаснаго чела ея мужа; и она увидѣла, какъ выразительныя морщины постепенно скоплялись на семь чель, подобно шумамъ. Ей показалось, что кровь застываетъ въ ея жилахъ, когда, съ сверкающими очами, и глубоко-глухимъ голосомъ, мужъ спросилъ ее:

— Гдѣ доспала ты этошь портретъ?

— Дюшесса Кариглиано возвратила мнѣ оный.

— Ты его просила у Дюшессы?....

— Я не знала что онъ былъ у нея.

Кротость, или лучше сказать, очаровательная мелодія сего ангельскаго голоса, способна была пронуть каннибала, но не Парижанина, буруемаго мученіями оскорбленнаго самолюбія.

— Это достойно ея! вскричалъ арписпъ громовымъ голосомъ. Я опомщу ей! сказалъ онъ, расхаживая большими шагами по комнатѣ; она умретъ отъ стыда; я изображу ее на картинѣ! Такъ, я представлю Мессалину, выходящую изъ дворца Клавдія, ночью, переодѣтую.

— Генрихъ! произнесла Августина умирающимъ голосомъ.

— Я убью ее.

— Генрихъ!

— Она любитъ эпаго молокососа кавалерійскаго полковника, потому что онъ искусно ѣздитъ верхомъ.

— Генрихъ!

— И! оставь меня! завопилъ живописецъ своею женою голосомъ, почти походящимъ на ревъ.

Мы не будемъ описывать далѣ сей ненавистной сцены, при концѣ которой буйство гнѣва привело Г-на де Соммервѣ къ такимъ рѣчамъ и поспускамъ, которые женщина, постарше Августины, приписала бы сумасшествію.

На другой день поутру, въ восемь часовъ, Г-жа Гильомъ заспала свою дочь блѣдною, съ заплаканными глазами; ея волосы были въ безпорядкѣ, и она держала въ рукѣ плапокъ, омоченный слезами, вперивъ взоры на лежащія на паркетѣ лоскуты изорваннаго полотна и куски разбиной золотой рамы.

Августина, приведенная почти въ безчувственное состояніе своими мученіями, указала на сія оspanки съ жестомъ отчаянія.

— И будто-бы уже такая важная потеря! воскликнула спарая правительница Коша-Проказника. Правда, онъ былъ похожъ. Но я узнала, что на бульваръ есть человекъ, который дѣлаетъ прекрасные портреты за пятьдесятъ ефимковъ!

— Ахъ! мапушка!

— Бѣдненькая! вопль это такъ, молвила Г-жа Гильомъ, обманутая выраженіемъ взора своей дочери. Повѣрь, дитя мое, никто не можетъ любить такъ нѣжно, какъ мать. Иди со мною, милая! Я угадываю всё; открой мнѣ все свои горести! Я услышу тебя. Не говорила ли я тебѣ что этопошь человекъ сумазбродъ? Твоя горничная поразказала мнѣ сла-

вныя шутки; но это долженъ быть извергъ?

Августина приложила палецъ къ поблѣднѣвшимъ устамъ своимъ, какъ бы умоляя мать о позволеніи молчать.

Въ сію ужасную ночь, злосчастіе обнаружилось въ ея душѣ тѣ сокровища терпѣнія и покорности, которыя въ матери и любящей женщинѣ, по видимому, несравненно изобильнѣе мужской твердости; можетъ быть это самое свидѣтельствоуетъ, что Богъ одарилъ сердца сихъ прелестныхъ существъ такими спрунами, которыми не снабдилъ сердца мужчины.

Надпись, вырѣзанная на мраморѣ надгробномъ Монпартскаго кладбища, гласила, что Г-жа де Сомервьё умерла, имѣя двадцать семь лѣтъ отъ рожденія; одинъ поэтъ, другъ сего не-

беснаго созданія, находилъ въ простыхъ спрочахъ сей эципафін, послѣднюю сцену драмы.

Каждый годъ, въ торжественный день впораго Ноября, онъ проходилъ мимо сего скромнаго надгробнаго столба, и каждый разъ мыслилъ, не пребуются ли женщины, болѣе крѣпкія Августины, для могущественныхъ обьяпій генія.

— Смиранные и скромные цвѣпки, распусившіеся въ долинь, увядають, можетъ бытъ, думалъ онъ, когда пересажены слишкомъ близко къ небесамъ, въ попь предѣлъ, гдѣ образуется гроза, и гдѣ солнце шакъ знойно.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ СЦЕНЫ.

ЦѢНА:

На любской бумагѣ 3 руб.

На веленовой 4.